

Орал

Арукенова

ФЕВРАЛЬ

I

Аскар смотрел в окно на аккуратные полосы полей, почти бесцветные, с едва различимым налетом охры. В какой-то момент лучи заходящего солнца накрыли степь теплым бархатом света. Краски осени ожили и заиграли сияющими оттенками золота. Аскар инстинктивно опустил стекло и высунулся из окна, но, оглушенный порывом встречного ветра, поехал и вернулся в прежнюю позу: развалился на широком кресле, подложив подушку под голову. Водитель глянул на него и, оценив ситуацию, закрыл окно.

Кажется, он действительно стал «кабинетным», как шутит мама. Да и отец частенько напоминает ему о мотоцикле, который последние пять лет стоит в гараже... Раньше Аскар ездил на нем, когда бывал у родителей, и каждый раз просил маму не отдавать никому «железного коня».

Когда-то вместе с Даулетом они объездили на мотоциклах все окрестности поселка, гоняли наперегонки до железнодорожной станции. Летом уезжали далеко в горное ущелье, пропадали там ночами, жгли костры. Друзья знали все зимовки и летники пастухов, укрытия и кладбища по всей округе, и зимой, после буранов и снежных бурь, сельчане просили их поискать пропавший скот. Мальчишки выезжали на лошадях и находили животных: иногда невредимыми, а чаще – просто обглоданные скелеты. Скотник Ережеп как-то посоветовал им брать за поиск деньги. Идея понравилась, они даже установили расценки.

Однажды друзьям пришлось ночевать в степи во время снегопада, и они спрятались от непогоды в полуразрушенном мазаре. Тогда Даулету приснился сон-аян. Он вскочил под утро и начал рассказывать о том, что к нему во сне приходил аруах старика, похороненного на этом кладбище, и что им надо поскорее уезжать и двигаться все время на восток. Аскар ничего не понял, но поверил. Они с Даукой сели на лошадей и поспешно покинули кладбище. Вскоре погода прояснилась, и в пути ребята нашли потерявшуюся корову.

От лихой весёлой юности остались лишь воспоминания... Теперь же Аскар тёплым осенним вечером сидит в джипе и укрывается от встречного ветра. Едет искать поддержки у незнакомого старика, родственника матери, которого видел один раз в жизни, будучи совсем маленьким.

Как же он мог так проколоться, в двух шагах от депутатского кресла? Мелочь... мелочь... Кто же это говорил про мелочь? Даулет, конечно. Дау – друг детства...

Аскар в который раз невольно улыбнулся, вспомнив про него. «Для нас мелочь, а кому-то выгода», – любил говорить Дау. Интересно, он уже тогда понимал смысл этих слов или просто повторял за дедом? Сейчас Аскар тоже понимал, что имел в виду старик.

Заметив в зеркале заднего вида улыбку шефа, водитель решил заговорить.

– Аскар Каригулович, я это... спросить хотел, надолго мы в Алматы едем? Когда в Астану вернемся, хотел узнать... а то у моего брата свадьба в эти выходные, ну и отпроситься думал... – сказал он с виноватым видом.

– Свадьба, говоришь? Свадьба – это хорошо. Когда вернемся, говоришь? Когда вернемся, возможно, ты мне будешь не нужен, – ответил уклончиво Аскар и снова углубился в свои мысли.

Он вспомнил свою первую свадьбу. Как удачно использовал ее для знакомства с влиятельными людьми города. Как потратил все деньги на понты вроде импортных звезд... Денег бы хватило, но пожадничал он, не доплатил пару миллионов Маке, когда начинал строить карьеру будущего депутата. Надо признать, Маке не доставал его сильно – позвонил пару раз и пропал. Не стал мелочиться тогда, зато теперь взял в оборот. Шантажирует по делу семилетней давности. Оказывается, записал телефонные разговоры по одному рейдерскому захвату. Если заказчик узнает, Аскару не жить.

Денег Маке теперь не нужно, зато нужны свои люди в полиции города и в области. А после получения депутатского мандата – требует поддержки по всем фронтам. Вот и ехал Аскар на поклон к генералу Маркаеву, дальнему родственнику. Он уже не у дел, но, говорят, имеет еще влияние, да и сын его – большой человек в Астане. Аскар потянулся в карман за телефоном и не смог найти его.

– Что-то ищите? – спросил водитель.

– Телефон.

– Здесь, вы же на зарядку просили поставить, – ответил Болат, подавая шефу смартфон.

– Эй, ты что звук отключил?! Столько пропущенных звонков!

Аскар сначала рассердился, но, увидев пропущенные от назойливых кредиторов, успокоился.

У госслужащего его ранга всегда есть и кредиторы, и должники. Деньги приходят, уходят. Разве уследишь, кому ты должен, кто тебе должен. Недавно из Эмиратов приехал Талга – друг по институту, вернул долг. Это было приятно. Аскар давно забыл про те деньги. Поначалу расстраивался, но потом забыл – забил. И вот сюрприз. Вернул, и вернул с процентами, по своей воле! Правда, вести себя стал странно: не пьет, не курит, намаз совершает, имя поменял. Аскара призывал к шариату, но сильно не настаивал. Какой шариат, когда человек в политику подался... Хотя мечеть надо бы построить на малой родине. Пусть родители гордятся, да и для рейтинга хорошо. «Как будут свободные деньги, сразу начну», – решил Аскар и, надев наушники, попытался задремать под Третий скрипичный концерт Моцарта.

– Аскар Каригулович!

Болат открыл заднюю дверь и позвал шефа.

– Что такое? – ответил спросонья Аскар.

– Да гаишники с радаром, хотят штраф выписать... Это же ваша машина.

– Что нарушил?

– Вы же просили поскорее, вот я и вдавил, двести сорок ехал.

– Где мы?

– На въезде в Алматы.

Аскар протер глаза и выглянул из машины. На обочине – автомобиль дорожной полиции, рядом – полицейский. Аскар не спеша вышел и, разминая ноги, подошел к нему.

– Брат, что случилось? – снисходительно спросил он.

– Майор Смирнов. Ваши документы! – ответил полицейский.

– Документы... Документы в порядке. Как раз к шефу вашему тороплюсь, к генералу, – небрежно произнес Аскар, протягивая права и техпаспорт.

– Страховка есть? – спросил майор. – У вас превышение, данные на мониторе.

– Сейчас, – ответил Аскар, набирая номер в телефоне.

– Ассалам алейкум, Саке! На въезде в Алматы гаишники задержали, не пойму, что хотят, – сказал он в трубку и передал ее майору.

Тот молча выслушал, хмыкнул в ответ и вернул телефон.

Потом повернулся к Аскару:

– В общем, я данные с монитора не могу стереть, если в базу попадут, штраф на домашний адрес получите, – и вернул документы.

Аскар хотел возмутиться, но вспомнил, что находится не в своем городе, и вернулся в машину.

– Ты это, аккуратнее теперь, не у себя дома.

– Как скажете, – согласился Болат.

В город они попали в самый час пик. Медленно продвигаясь по проспекту Райымбека, застряли в пробке перед поворотом на Наурызбай батыра.

– Слушай, давай в правый ряд и сворачивай, – сказал Аскар.

Болат молча включил поворотник и выкрутил руль.

– Заедем к другу моему, он здесь через квартал живет, к Дауке, – сказал Аскар с незнакомой водителю озорной улыбкой.

Вскоре они въехали в просторный двор, сплошь уставленный автомобилями разных мастей. Лишь в дальнем углу сиротливо примостилась крохотная детская площадка с яркими качелями и рядом деревянных скамеек. На одной из скамеек, покачивая коляски, сидели две женщины – одна курила.

– Вы надолго? – спросил Болат, когда Аскар выходил из машины.

– Посмотрим.

– Может, я пока позавтракаю где-нибудь? – спросил водитель.

– Посмотрим, – повторил шеф, направляясь к ближайшей двери.

Возле подъезда Аскар остановился, не зная, как открыть дверь, и уставился на домофон, пытаясь вспомнить номер квартиры.

Вскоре подошла старушка, подозрительно посмотрела на Аскара и зычным голосом спросила:

– Это вы к кому?

– К Даулету, он на втором этаже живет. А вам что за дело? – ответил вопросом на вопрос Аскар.

– Родственник, что ли? – прищурила глаза старушка, открывая дверь.

Аскар пропустил старушку вперед, но не ответил, а, обогнав ее в подъезде, поспешил вверх по лестнице. Обитая черным дерматином, обшарпанная дверь

была приоткрыта. Из-за двери несло перегаром. Аскар задумчиво потоптался на месте, но, услышав за собой старушечье шарканье, толкнул дверь и вошел внутрь. Брезгливо поморщившись, прошел через пустую прихожую в большую комнату, которую Дау, помнится, называл кабинетом.

Комната освещалась через потускневшее от пыли и грязи балконное окно. Книжные полки, занимавшие всю дальнюю стену, местами зияли пустотой. На большом столе по центру комнаты лежали беспорядочные кипы книг, журналов газет, сверху – какие-то рулоны. Оставшаяся свободной поверхность стола была покрыта толстым слоем пыли, на краю стояла консервная банка с окурками, рядом – рассыпавшийся пепел и крошки табака. Несколько покосившихся разносортных стульев вокруг стола. От продавленного дивана несло кислой блевотиной.

Прикрыв салфеткой нос, Аскар прошел к балкону и распахнул дверь. Вышел на лоджию, как следует продышался, увидел, как внизу лениво прохаживается вдоль дома его водитель. Аскар вернулся в комнату, не прикрывая балконную дверь, и пошел к выходу. Он уже решил, что Даука здесь не живет, когда увидел на стене знакомую фотографию: маленький, со сморщенной от яркого солнца рожицей Даука со своими родителями.

– Кто там? Толян, ты? – раздался знакомый голос из спальни.

Аскар вышел из кабинета и приоткрыл дверь справа. На железной кровати лежал мужчина, в трико и с голым торсом.

– Аскарик?! – мужчина приподнялся и вскочил.

Лицо Даулета было опухшее, заросшее щетиной, однако он сохранил спортивное тело и легкость движений.

– Даука, здорово! – протянул ему руку Аскар.

– Аскарик, ты какими судьбами? – пожал его руку Даулет, стараясь не смотреть в глаза и держаться на расстоянии.

– Да вот, по срочным делам приехал, решил забежать, поздороваться...

– Ты с поезда, что ли? – спросил Даулет, вытаскивая сигарету из помятой пачки.

– Не, на машине. Всю ночь ехали.

– Так ты не один! Ну давайте, проходите на кухню, я сейчас чайник поставлю...

– Не, брат, некогда, дела... Зашел поздороваться, только в город заехали, давай чуть позже...

– Телефон, дай мне свой телефон, созвонимся... – засуетился Даулет. – Я запишу... Ты надолго?

– Не знаю пока, на пару дней, думаю. А тебе как можно позвонить? Я тебя сам наберу.

– Так на домашний звони, я же дома, – указал Даулет на старый ярко-красный аппарат на тумбочке.

– Твой домашний у меня есть, – Аскар порылся в смартфоне, – вот на двести двадцать три начинается, – показал он.

– Точно, так и есть! Позвони мне, – сказал Даулет и впервые несмело посмотрел другу в глаза.

Выходя из комнаты, Аскар обернулся и порывисто обнял друга. Не говоря ни слова, решительно вышел.

– В гостиницу, – буркнул он, усаживаясь в машину. Затем достал из кармана разрывающийся от звонков телефон, посмотрел на дисплей и поспешно ответил:
– Мама, доброе утро! Как вы?

– Всё хорошо. Как ты, сынок?

– Вот, приехали в Алматы. Еду в гостиницу.

– К Даулету надо бы заехать...

– Заехал, мама, заехал.

– Вот и правильно. Как он, жив-здоров?

– Не очень, мама. Выпивает, дома бардак.

– Вот беда! Ты помоги ему, сынок, чем сможешь. Нет у него никого. Дед его был добрый человек, всем помогал. Иманды болсын! Помнишь, как отца твоего от тюрьмы спас, Алихан не захотел тогда вмешиваться...

– Ладно, мам, разберемся. Отцу привет!

– Удачи тебе! И еще, сынок, на Алихана особо не надейся. Он без выгоды шага не ступит. Непростой человек он. Удачи! Жолың болсын, балам!

В гостинице Аскар разделся и первым делом поспешил в душ. Встал под прохладную струю воды, встряхнулся, словно очищаясь от того, что увидел в квартире Даулета, и попытался переключиться на свои дела.

Выйдя из душа, сразу набрал номер дяди Алихана.

– Как ты сказал? Сын Хадиши, говоришь? Знаю, знаю такую. Хорошая она, красивая, умная, из нашей породы. Только замуж за босяка вышла. Как она?

Аскару захотелось послать его или просто прекратить разговор, но зачем тогда он приехал? Придется проглотить, вдруг что выгорит. Он знал, что старик уже не у дел, вряд ли поможет, но его сын, тоже родственник, между прочим, сидит в Астане, в министерстве.

– Все хорошо, Алихан-нағашы. Мама, как прежде, в ауле, в музыкальной школе преподает.

– Ну хорошо, что все в порядке. А то не пишет, не звонит, я-то что, старик я уже... А ты? Чем ты занимаешься?

– Я в Караганде обосновался. Бизнесом занимаюсь, развиваю фермерство у нас в области. Вот, в депутаты баллотируюсь...

– В депутаты? – Алихан громко расхохотался. – Ойна бала, қызыл арақпен!

– Алихан-нағашы, я хотел с вами встретиться, если возможно. Я здесь, в Алматы.

– Ну приходи, раз приехал, депутат. Адрес знаешь?

– Точно не знаю, вверх по Навои, кажется?

Аскар записал адрес и посмотрел на часы. Спускаться на завтрак не хотелось, к тому же дядя Алихан пригласил его к обеду. Аскар растянулся на огромной кровати, включил телевизор и незаметно уснул.

* * *

Даулет огляделся. Покосившийся шкаф без одной ножки... Засаленная штора, висящая на нескольких крючках... Грязь, вонь... Не позвонит Аскар, конечно, не позвонит. Сказал для приличия. Пожалел его. Обнял, попрощался...

– Даулет! Ты где? Спишь еще? – в комнату заглянул Толян, в руке – пакет.

– Прикинь, мужик какой-то вниз пролетел, чуть с ног не сбил, я ему и говорю... Смотри, говорю, аккуратнее, тут люди ходят. Он остановился, посмотрел

на меня презрительно, как на пустое место... Морда зажавшаяся, как у замов акимовских.

– Это друг мой, Аскар.

– Не, такие с нами не дружат. Такие нас используют. Держись от него подальше, это я тебе говорю! – сказал уверенно Толян. – Пойдем лучше похмелимся, чем бог послал, – широко улыбнулся он, вытаскивая из желтого пакета чекушку.

– Нет! – отрезал вдруг Даулет, да так, что Толян отпрянул к двери.

– Ну как хочешь... Это дело добровольное... Тогда к нашим пойду. Погода сегодня хорошая... Я же не алкаш конченный, чтобы одному бухать...

– Ладно, не обижайся, Толян. Мне надо себя в порядок привести, с другом встретиться.

– С этой мордой? Ну смотри, сам знаешь, я тебя предупредил по-дружески, – сказал Толян, закрывая за собой дверь.

II

...В комнате на полу лежали несколько мужчин. Аскар и Даука сначала испугались, что мужики мертвые. Потом поняли, что те спят, пьяные то ли от спиртного, то ли от наркотиков.

– Смотри, это же брат Каны, – сказал шепотом Аскар, указывая на долговязого парня, скрючившегося во сне.

– Я слышал, что Евлоевы его в рабство продали, – прошептал в ответ Даулет.

– За что? – удивился Аскар.

– Накосычил он... Потом расскажу.

Чтобы забраться в дом, друзья целую неделю прикармливали псов за высоким забором, каждый день подбрасывали то кусочки мяса, то косточки. А в ту ночь дождались, когда из ворот выехал жигуленок с мужиками, и подбросили собакам мяса со снотворным. Как только собаки уснули, мальчишки перелезли через забор.

Про этот дом ходило много слухов. Дедушка Даулета рассказывал, что до войны на этом месте стояла ветхая заброшенная землянка. Когда дедушка вернулся с войны, в землянке уже жили переселенцы из Ингушетии – старик и молодая женщина с шестерыми детьми. Старик вскоре умер, а женщина устроилась работать в магазин уборщицей. Дедушка Даулета помогал ей оформлять документы, чтобы она получала пособие на детей.

Потом дети подросли, и все как один пошли работать в торговлю. Две дочери – продавщицами в продуктовый магазин, сыновья – на торговых базах и пере-валочных пунктах. На месте землянки они выстроили сначала небольшой дом, потом, по мере увеличения семьи, расширяли его.

Во время перестройки дом окружили высоким забором. Женщина тогда стала уже старухой. Она разводила скот, торговала подпольно водкой и, поговаривали, держала рабов-бомжей для помощи в хозяйстве.

Потом, по слухам, всё семейство вернулось в Ингушетию, и только двое отпрысков клана оставались в Казахстане и жили в городе. Говорили, что в этом доме они держат должников, а потом продают их в рабство.

Вот подростки и решили залезть в дом и посмотреть, что там происходит. В одной комнате спали люди, в другой стояли ящики с бутылками, большие цис-

терны – со спиртом и еще с чем-то. Остальные комнаты пустовали. Одна дверь, видимо, в кладовку, была заперта на китайский навесной замок.

– Давай сломаем, я в той комнате молоток видел, – предложил Даука.

– Не, давай проволокой попробуем, посвети мне фонариком.

Аскар повозился с проволокой некоторое время, потом в замке что-то щёлкнуло, и дверь открылась. В комнатке на нескольких полках вдоль стены лежали продукты. На полу стояли еще ящики с водкой.

– Надо посмотреть, что на верхней полке, – сказал Аскар и полез наверх.

Встав на одну из полок, он руками пошарил поверху, но ничего не нашел. А когда спускался вниз, надавил всем весом на край нижней полки и чуть не свалился. Полка приподнялась с другого краю – Даулет заметил под ней сумку и достал ее.

– Наркота, кажется... Ни хрена себе! – воскликнул Даука, вытаскивая из сумки маленькие белые пакетики.

– Тихо! – приложил палец к губам Аскар.

Подхватив сумку, они закрыли дверь и защелкнули снаружи замок. Отъехав на безопасное расстояние от дома, мальчишки слезли с велосипедов и вскрыли один пакетик.

– Ты знаешь, что с этим делать? – спросил Даука.

– Откуда? Кажется, для уколов. Лучше давай анаши покурим, – предложил Аскар, открывая полиэтиленовый пакет с травкой.

– Ништяк! Давай!

Даулет скрутил из газетного обрывка папиросу.

– Так чё там про Кану, про его брата? – спросил Аскар, забывая самокрутку анашой.

– Он, короче, работал с бандитами, хорошо зарабатывал, тачку крутую купил, – ответил Даулет.

– А, ну помню, бэху. И чё?

Аскар прикурил самокрутку, шумно вдыхая воздух. Папироса вспыхнула, затрещала и зачатила приторно-сладким дымом. Аскар закашлялся и передал папиросу Даулету.

– Потом, говорят, он украл у них что-то, вот они и забрали его в рабство, – сказал, затягиваясь и щуря глаза от едкого дыма, Даулет.

– А ты откуда знаешь?

– Кана рассказал. Они к ним домой приходили, обыск делали, потом его брат исчез, и машину они забрали.

– Слушай, чё-то не вставляет, кажется, – сказал Аскар и рассмеялся.

– А чё, можно ещё! У нас много! – засмеялся Даука, вскакивая с корточек.

– А ты чё подпрыгиваешь, как девчонка?

– Сам ты как девчонка, овцебык долбаный!

III

...Дом дяди Алихана был огорожен каменным забором, который напомнил Аскару мазары нуворишей. Дед говорил про такие надгробия: «Цените родителей при жизни, после смерти им высокие мазары – что собаке пятая нога».

Аскар позвонил в дверь. Ворота вскоре открылись, и он въехал в просторный двор. Двухэтажный дом стоял на возвышенности. Перед домом асфальтированная

площадка, справа крытая парковка на несколько автомобилей, слева – детская площадка с бассейном. За домом видны сад и оранжерея.

Дядя Алихан, высокий, полноватый, в спортивном костюме, сидел у камина с газетой в руках.

– Депутат, говоришь? – пожал он руку Аскара и снова громко расхохотался. – Депутат! Посмотри на него, Салима, вот такие теперь у нас депутаты!

– Аскар! А я тебя помню! Ты еще маленьким был, когда вы в гости к нам приходили. Мы тогда на Кирова жили. Помнишь, Алихан, нашу трешку на Кирова? – сказала тетя Салима и расцеловала Аскара. Потом тихо шепнула ему: – Ты на него не обижайся, он не со зла. Характер такой.

Аскар кивнул ей. Тетя Салима продолжила, уже громко:

– Твоя мама такая красавица в молодости была, на Алихана похожа, высокая, статная. За ней такие парни ухаживали.

– А она за босяка замуж вышла, – подытожил дядя Алихан.

Вскоре тетя Салима позвала их на обед, в гостиную. Окна на всю стену выходили в сад, прямо под окнами – цветник, где яркими пятнами цвели осенние астры. Кроме хозяев, за столом оказались еще четверо: пожилой профессор с женой и внуком и старший внук генерала – Дастан, который, по казахским обычаям, воспитывался у родителей отца.

Манты подоспели, когда гости распробовали закуски и салаты. Тетя Салима, угощая гостей, рассказывала об успехах Дастана в учебе и критиковала школу:

– Это что за школа такая? И так целый день учатся, да еще заданий столько дают, что ребенок до полуночи не успевает их выполнить. Это при том, что он умный парень. А как другие справляются?

– Апа, я же в физматшколе учусь, там свои заморочки, – заметил Дастан.

– В других школах не лучше, – сказала жена профессора, – мои племянники учатся в обычных школах, там тоже много задают, так что их родители только и работают на репетиторов.

– А на выходе – ноль, – заключил профессор, – в институт приходят без элементарных знаний. Как они на гранты поступают, никак понять не могу.

– Молодые ко всему приспособляются, – сказал снисходительно Алихан. – Эх, молодость, молодость, весь мир у твоих ног, когда ты молод и полон сил.. Да, внук? – обратился он к Дастану.

– Конечно, ата, – охотно отозвался внук.

– Как ты захочешь, так все и будет, так что не слушай никого, иди своей дорогой. Вот посмотри на Аскара, он в депутаты баллотируется, – усмехнулся Алихан.

Профессор с интересом посмотрел на Аскара и начал расспрашивать его о требованиях к кандидатам.

– Аскар! накладывай еще манты, ты же с дороги, – суетилась тетя Салима.

После обильного обеда, оставшись наедине с Алиханом, Аскар перешел к делу.

– Алихан-нағашы, как вы правильно заметили, я – простой человек. А вы высокие должности занимали. Мне ваш совет нужен.

– Гладко говоришь, хорошо заходишь, – усмехнулся генерал.

– Знакомства в полиции нужны. Если б вы меня порекомендовали своим коллегам как родственника... Вы же знаете, без знакомств теперь никуда.

– Что, успел наследить, депутат?

Генерал пристально посмотрел на него поверх очков, так что Аскар отвел глаза.

– Да нет, просто фермерам со всех сторон препоны, так хоть полиция не будет беспокоить, – ответил Аскар.

– Я, конечно, могу порекомендовать, только чем это обернется? Вот в чем загвоздка... Я ведь даже сына родного не могу поддержать после отставки, не то что тебя. Но он выдержит, Султан – мой сын. И ты к нему не лезь, ему и так тяжело. Вот пришел бы ты пару лет назад, когда я при должности был, эх... – махнул рукой Алихан. – Так что выкручивайся сам, депутат, – сказал он, наливая себе коньяк из пузатой бутылки.

* * *

Аскар вернулся в гостиницу удрученный: зря не послушал мать, впустую приперся. Козел этот Алихан, и сынок у него, видимо, такой же. Хотелось выпиться, и он набрал телефон Даулета. Тот сразу взял трубку, словно ждал его звонка.

– Аскар! Хорошо, что позвонил, надо бы встретиться, поговорить.

– Вот и я про это. Давай, подтягивайся ко мне в гостиницу. Посидим, пообщаемся, как раньше.

Аскар заказал в номер еду из ресторана и прилег, ожидая Даулета. Даулет пришел опрятный, наглаженный, без особых следов запоя на лице, только веки опухшие. Однако дорогой парфюм, видимо, из прежнего времени, не мог перебить вьевшуюся вонь запойной квартиры, а наоборот – ещё больше ее подчеркивал. Аскару стало тошно, как утром в квартире у Даулета. Стараясь хоть немного перебить этот запах, он достал из холодильника бутылку и разлил по рюмкам водку. Только Даулет скинул с плеч куртку, вызвав новую волну отвратительного запаха, Аскар протянул ему рюмку. Они тут же чокнулись, выпили ледяную обжигающую жидкость и обнялись по-братски.

– Садись, брат, садись, рассказывай, как ты докатился до такой жизни? – сказал Аскар, наливая еще по одной.

– Вот и докатился. Только ты и поймешь, может быть... – ответил чуть слышно Даулет.

Потом взял рюмку, не чокаясь, выпил ее содержимое до дна и откинулся на диван.

– За Кану, – сказал Аскар и тоже выпил.

– Я вот думаю, лучше бы они меня тогда грохнули... – сказал Даулет. – Часто в последнее время Кану вспоминаю. У него мать, сестренка, отец есть, хоть и алкаш. А у меня только дед был.

– Да ладно себя жалеть! Что было, то было. Ты же сам мне говорил тогда, что Кану не вернуть, Даука!

– Да, говорил, чтобы тебя поддержать, ты тогда никакой стал. Бледный ходил, похудел, скрывался от всех. Тетя Хадиша переживала, думала, ты гикнул.

– Но я же, блин, справился, ты мне помог! Теперь вот моя очередь тебя поддерживать.

– Да не парься, пропащий я уже... Ты про себя расскажи. Смотрю, момон отрастил! – ткнул он Аскара в живот.

– Трудовая мозоль, – похлопал себя по животу Аскар, – батя тоже прикалывается, у него отроду такого пуза не было.

– Сравнил морковку с пальцем! Твой батя всю жизнь механиком проработал, до сих пор, наверное, с железками возится.

– Да, перебирает чего-то в гараже, вечно в масле. А я в кабинете сижу, типа фермерство поднимаю.

– Фе-е-ермерство? А я бы фермером стал, хоть завтра... Слушай! Так это единственное, чем бы я занялся! Вот я лежал на днях и думал, чем бы я мог заняться, чтобы не стрёмно было, и не нашёл. А сейчас ты сказал – фермерство и, блин, хорошо стало.

Даулет потянулся к бутылке.

– Ты закусывай, брат, закусывай. Вот казы-мазы бери, я заказал с ресторана, – сказал Аскар, указывая на тарелки с закуской.

– Я, может, сейчас призвание свое нашёл! Давай выпьем, – сказал Даулет, разливая водку.

– Давай-давай.

– Знаешь, Аскаррик, да ну эту Алматы, квартиру... Я домой хочу, забери меня с собой. Я тут уже капец как состарился...

Даулет выпил, взял тарелку с мясом, поставил перед собой и начал есть.

– Да, давай, поешь, – обрадовался Аскар, пододвигая к Даулету тарелки с салатами и корзинку с хлебом. – Сейчас горячее принесут, я мясо заказал.

– Спасибо, брат, я беш давно не ел.

– Хочешь, баб закажем или в сауну пойдём? – предложил Аскар, привычно беря в руки телефон.

– Да оставь ты телефон в покое. Давай пообщаемся. Сто лет не виделись, на кой нам сейчас бабы!

– Это я по привычке, – согласился Аскар.

– Ну давай, рассказывай, как тетя Хадиша, батя, жена, дети?

– Мама тебе привет передавала, вот сегодня утром звонила, про тебя спрашивала.

– Надеюсь, ты не сказал, в какой я жопе?

– Чё не сказать, сказал. Она велела тебя поддержать, деда Жакена вспомнила.

– Добрая у тебя мама... Ты ей тоже привет передавай. Повезло тебе с родителями.

– Тебе тоже. Только не повезло, что их рано не стало. Но ты, блин, Даука, сам мне говорил, что ты сильный, справедливый и всех победишь.

– Так сколько мне тогда было, нашёл о чём вспоминать!

– Твой дед тоже за справедливость боролся, он же всех победил, ты всегда его в пример мне ставил. Ты знаешь, я-то в справедливость никогда не верил и до сих пор не верю. Вот и удивлялся твоему деду, вроде простак простаком, а как чё развести, так круче его нету. Помнишь, батю моего на бабки подставили? Так даже дядя Алихан не стал за дело браться, а дед твой развел. Жил себе в ауле и виду не подавал, что такой крутой, вот это меня и удивляло в нем. А когда ты загремел, я думал – все, крышка. Так нет, он и тебя вытащил! Если честно, никто не верил.

– Таких, как дед, уже нету. Вымерли как вид. Слушай, а если бы я тебя сдал тогда?

– Не смехи, ты бы сдал? Меня?

– А вот испугался бы и сдал – и что тогда? Менты предлагали мне такой вариант. Говорили, что ты меня сдал, но я не поверил. Они же показания твои приносили, почерк реально твой, с наклоном влево, – Даурен посмотрел Аскар у в глаза.

IV

...Кану арестовали в школе, прямо на уроке химии. В кабинет вошли двое: мужчина в гражданском и милиционер в форме. Они коротко представились, показав Валентине Петровне документы. Валентина Петровна предложила им поговорить в кабинете директора. Но милиционер грубо осадил ее, ответив, что начальство в курсе.

– А вы знаете, что я не только учитель химии, но и директор школы? – громко спросила Валентина Петровна. – И я не в курсе!

– Канат Бекишев присутствует? – спросил мужчина в гражданском, не обращая внимания на слова директора.

Все обернулись к задней парте, где сидел Кана, а милиционер направился в его сторону.

– Ты Канат Бекишев? Руки! – грубо сказал он.

– За что? – срывающимся голосом спросил Кана, с мольбой оглядываясь на Валентину Петровну.

– В отделении расскажем, – ответил милиционер, защёлкивая на вытянутых руках Каната железные кольца.

Аскар с Даулетом переглянулись.

– Вы не имеете права, он несовершеннолетний! – возмутилась Валентина Петровна, преграждая им путь у дверей.

Канат смотрел на нее с надеждой.

– Уважаемая, не надо препятствовать нам при исполнении! Я инспектор по делам несовершеннолетних, – сказал мужчина в гражданском, еще раз показывая ей раскрытую корочку.

Валентина Петровна побледнела и опустив руки, отошла в сторону, но все же возразила:

– Рядом с ним должен быть законный представитель. Канат несовершеннолетний. В отсутствие родителей я его представляю.

– Родители ожидают в участке. Но поехали, если угодно, – ответил спокойно инспектор.

Валентина Петровна последовала за ними. Класс замер на минуту, а потом все сорвались с мест и побежали вслед за директором. На улице милиционер усадил плачущего Кану на заднее сиденье уазика и сел рядом с ним. Валентина Петровна устроилась рядом с водителем. Она так и поехала в чем была, даже не надела верхнюю одежду.

После ареста Каны завуч школы распустил класс по домам, приказал сидеть дома. Но ребята помчались к отделению милиции. Никто не мог представить Кану преступником. Безобидный и стеснительный, он даже подраться толком не мог.

– Подставили его, стопудово подставили, – предполагали ребята.

– Но кто? Кана ни с кем толком и не дружил.

– Это, скорее всего, из-за его брата, Арсена, – высказался Аскар. – Он с наркоманами водился.

– Да, точно, Арсен работал у бандитов, – сказала Ритка, зная все и про всех, – мне Кана сам рассказывал.

Ритка дружила одинаково со всеми. Ей удавалось всё: и спорт, и учеба. Она несколько лет занималась каратэ и считала своим долгом защищать слабых. Ритка встала на сторону Каны, даже когда старшекласники хотели поставить его на счётчик. И на контрольных Ритка давала списывать, поэтому мальчишки считали ее за свою.

* * *

Ребята покружили вокруг здания отдела милиции и устроились на скамейке у входа.

– Пойдемте, мы Кану нашли! – прибежал возбужденный Петя Хегай. – Окно комнаты нашли, где его допрашивают!

Ребята гурьбой помчались вслед за Петей к заднему фасаду здания. Ритка стояла на выступе второго этажа, держась за поручень металлической лестницы, и заглядывала в зарешеченное окно. Когда увидела приближающихся ребят, приложила палец к губам, велев молчать. Петька подпрыгнул, подтянулся и забрался на лестницу.

– Ритка, слезай, мы тоже хотим посмотреть! – крикнул Аскар.

Ритка начала спускаться, а под лестницей выстроилась очередь. Петька остался стоять наверху.

Только Аскар ступил на лестницу, как его одернул Даулет.

– Аскар, пойдём! – сказал он, отведя друга в сторону. – Ты чё палишься!

– Да я спецом, чтобы к нам подозрений не было.

– Вдруг это с нашей наркотой связано? – прошептал возбужденно Даулет. – Может, сумку обратно подкинем? А чё, мы всего несколько папирос скурили...

– Точняк! Надо вечером съездить туда, разведать обстановку.

– Не, давай прямо сейчас и поедём, – предложил Аскар.

– Эй, вы что там делаете? – раздался голос, и у лестницы появился дежурный милиционер.

Ребята быстро спустились и бросились врассыпную.

– И чтобы здесь больше не появлялись! – крикнул им вслед сержант.

* * *

Ворота дома были чуть приоткрыты, но кроме багажника жигулей ничего рассмотреть не удалось. Во дворе слышался шум голосов, поэтому ребята не стали приближаться к воротам. Забрались на крышу недостроенного здания неподалеку и следили оттуда.

– Может, закинуть сумку во двор и убежать? – предложил Даулет.

– Вот бы бинокль сюда, ни фигу не видно, – сказал Аскар, – знать бы, что там хозяева, то можно было бы.

– Ты прав, вдруг в чужие руки попадет.

– Тогда еще хуже, – подтвердил Аскар.

Они так и не осмелились приблизиться к дому, а когда уже сели на велосипеды, к дому подъехала иномарка.

– Даука, смотри! Мент, который приезжал Кану арестовывать!

– Папандос! Они думают, что Кана украл наркотики! – сделал вывод Даулет.

– А мент с ними, по ходу, заодно! – ответил Аскар.

V

...Аскар уставился на Даулета.

– Ну сдал, и что? Мне своя шкура дорога. Да, я такой, и не скрываю этого!

– Да ты чё, брат, я шучу, у меня и мысли такой никогда не было! Это я тебя типа троллю, по привычке. Злой я стал, как шакал. Сам чувствую, а ничего с собой поделать не могу. Про людей стал плохо думать, подозревать. Мелочный стал, аж самому противно. Вот и хочется выпить и забить на все.

Аскар обнял его и подумал, что это подходящий момент сознаться во всем. Он миллион раз прокручивал этот разговор в голове, и сейчас можно было освободиться раз и навсегда. Все ведь обошлось тогда, им по тринадцать лет всего-то было, кто в таком возрасте не ошибается... А если не простит, ну и не надо – баба с возу, кобыле легче! Он только откинулся на подушку дивана и раскрыл рот, как раздался звонок.

– Маке звонит, – сказал Даулет, глянув на дисплей, и передал Аскару телефон.

– Ассалам алейкум, Маке, – ответил Аскар. – Да, вот в Алмате сейчас, наши вопросы решают... – И, выслушав собеседника, расплылся в неестественной улыбке: – Подумаю, Маке, подумаю... Чем смогу, помогу. – Но когда нажал на отбой, то нахмурился и отложил телефон на дальний край стола, словно избегая дальнейших разговоров.

– Начальник твой? – спросил Даулет.

– Я сам себе начальник, – ответил раздраженно Аскар.

– Значит, задолжал, очень уж старался угодить, – заметил Даулет.

– Да, задолжал. Вот ты страдаешь, что обмелечал, а я жадный стал, затарил его бабки, а теперь расплачиваюсь.

– Жадность фраера сгубила. И чего ему надо?

– Спрашивает, нет ли кого на примете для работы на ферме.

– Я могу работать на ферме, – обрадовался Даулет. – А чё мне терять кроме цепей?

– Тоже мне пролетариат! Да ладно, я узнаю чё к чему, потом разберемся, – махнул рукой Аскар и разлил по рюмкам водку.

– Не, серьезно, ты имей в виду, я с удовольствием на ферме поработаю, – сказал Даулет, – только разузнай всё, а так я готов.

– Да ну их всех, давай выпьем! За дружбу!

– Давай! – подхватил Даулет и, чокнувшись, опустошил рюмку. – Ну, ты не рассказал, как жена, дети?

– Я же развелся с ней, достала она меня... Сам дурак, женился зачем-то...

– А дети?

– Дети с ней остались. Но я им помогаю деньгами. Вот смотри, – Аскар взял в руки мобильник, полистал. – Вот мой сын Чингиз, на кого похож?

– На тебя, ну просто копия!

– Вот доченька моя, Мадина.

– И дочка на тебя похожа. В любом случае, ты молодец! Дети у тебя, а я вот никак не решаюсь...

– А чё тут решаться, бабы на тебе с шестого класса виснут, – берешь и делаешь, – засмеялся Аскар.

– Я не про это, ты же понимаешь. Вот я думаю, что их ждет, детей твоих, например, Чингиза и Мадину?

– Я вот не парюсь, что будет, то будет!

– А мне их жалко, жертвы потребления и симулякров.

– Это еще что?

– Да фигня всякая, на которую мы западаем, типа гламурных теток и сладкой жизни с любимым гаджетом.

– Типа «Баунти райской жизни»? Так мы над этим еще в детстве ржали, разве нормальный человек в такое поверит?

– Это мы с тобой не верили, потому что в ауле выросли. Такое видели, что сегодняшним детишкам во сне не приснится.

– Ну и хорошо, что не приснится. Пусть верят в лучшее. За детей, надо выпить за детей, – сказал Аскар, вытащил из холодильника еще одну бутылку водки и откупорил ее.

– За детей! – подтвердил Даулет.

Завонил местный телефон, Аскар перегнулся через стол и снял трубку:

– Горячее? Несите, конечно, несите, давно пора! Перед горячим и выпьем.

Аскар разлил водку.

– За детей! – повторил Даулет.

– Знаешь, они теперь не такие, как мы. Все больше со смартфонами дружат... Как, впрочем, и остальные, – произнес Аскар и выпил.

– А я вот взял и выбросил свой смартфон, как с работы уволился!

Даулет поморщился от выпитой водки.

– Ну и зря, удобно же, вся информация под рукой.

– В том-то и дело, что информация и есть симулякр. Нам пихают подделку, а мы уши развесили.

– А как еще на толпу влиять? – спросил Аскар.

– Вот видишь, и ты хочешь влиять. А представь, на твоих детей станут влиять и голову им морочить.

– Все друг на друга влияют, и этого уже не остановить. Так лучше я на других влиять буду.

В дверь постучали.

– О, горячее принесли. Входите, открыто! – крикнул Аскар.

Парень в шапочке и белом переднике завез в комнату вместе с блюдами на столике запах настоящего тоя.

– Добрый вечер! – сказал он и открыл крышку большого блюда, демонстрируя бешбармак.

– Базару нет! – воскликнул удовлетворенно Даулет.

Нежное тесто тонуло в прозрачном бульоне, тонко нарезанные ломтики конины вперемешку с бараниной лежали плотным слоем на тесте, белые воздушные кольца лука перемежались с золотистыми литыми кругляшками қазы на самом верху. Официант открыл маленькую кастрюлю с сорпой, смешанной со свежим куртмом и зеленью, и, помешивая, разлил по большим кесешкам. Аромат бульона быстро распространился по комнате.

Аскар смешно крикнул от удовольствия, достал из кармана пиджака пухлое портмоне, вытащил оттуда купюру в тысячу тенге и протянул парню.

– Приятного аппетита! – улыбнулся официант в полупоклоне и вышел из комнаты.

– А чё ты уволился-то? – спросил Аскар, ставя блюдо на стол.

– Не захотел быть пешкой в чужой игре.

Они разложили по тарелкам бешбармак и некоторое время молча ели. Вскоре

Аскар вытер салфеткой губы, потянулся к бутылке и разлил.

– А где работал? – спросил он, ставя перед Даулетом рюмку.

– В международной компании закупками руководил.

– Да ладно! С такой должности не увольняются, за нее мать родную продают, – удивился Аскар. – А ты даже мебель не прикупил при такой должности?

– И ты туда же!

Даулет протянул Аскару рюмку, привычно чокнувшись, выпил и положил себе в тарелку еще бешбармака.

– Ладно, не обижайся! Тогда зачем ты туда пошел вообще?

– Случайно получилось. Устроился в международный проект простым инженером, ну проявил себя типа, меня в другой отдел перекинули, оборудование закупать. Там английский подтянул на курсах. Они потом дочернее предприятие открыли и меня начальником по закупкам назначили.

– Ну и работал бы себе. Зарплата, наверное, хорошая.

– Зарплата хорошая, и командировки по всему миру. Я еще два раза в год в отпуск ездил по разным странам. Представляешь, в ЮАР императорских пингвинов видел, в Гренландии – северное сияние, – улыбнулся Даулет.

– А чё машину не купил, квартиру не обставил?

– Дүние бок – бүгін бар, ертең жоқ, не к столу будет сказано.

Даулет поддел вилкой жирный кусок казы и отправил в рот.

– Помню, твой дед так говорил: все тлен, особенно барахло.

– Это меня и спасло, когда новое руководство, из наших, местных, подставить решило, – усмехнулся Даулет. – Никто поверить не мог, что я взятки не беру. Полгода проверяли, даже прокуратуру натравили. А у меня все тип-топ. Но я сам решил уйти, достало меня все это. Знаешь, кто больше всех в компании воровал?

– Руководство?

– Оно, конечно, в доле.

– Кто?

– Главбух и главный юрист.

– Ну, ты открытие сделал! Все это знают.

– Вот теперь и скажи, каково твоим детям будет? Каково им будет жить при двойных стандартах? Не, я понимаю, что всегда так было, в том-то и дело! В том-то и дело, что человек – жадное, извращенное и лживое существо!

– Но есть же исключения, как твой дед, например, или моя мама.

– Вот видишь, раз-два и обчелся. Я раньше думал, что коррупция – это наше, местное. Какой там! Мы здесь еще в зачаточном состоянии. В развитых странах это поставлено на такой уровень! Представляешь, европейская компания по общепиту, работает у нас, привозят поваров, администраторов. Только уборщицы местные. Тендеры постоянно выигрывают, не где попало, конечно, а в нефтянке. Вот представь, где-нибудь в глухой степи приезжаешь в вахтовый лагерь, заходишь в столовую, а там тебя индус встречает у дверей.

– А на раздаче афроамериканцы во весь рот улыбаются, – рассмеялся Аскар, разливая водку.

– Так и есть на самом деле, только шеф-повар белый, француз или итальянец

- На то они и развитые, – гоготнул Аскар, – во всем нас обогнали. А мы как были варварами-скотоводами, так и сидим, мясо жрем.
- И у них учимся, – согласился Даулет, и они, чокнувшись, снова выпили.
- Но мы же способные. Вот я баллотируюсь в депутаты, может, и нам чего перепадет, – хитро улыбнулся Аскар.
- По-любому перепадет, – кивнул Даулет.
- А чё, я фермерам помогать буду, это же наше, казахское ремесло. От системы там тоже никуда не деться... Но разберемся, свои же.
- Вот и мне захотелось на ферме работать, лошадей разводить. Помнишь, как мы зимой скот на лошадях искали по окраинам?
- Да, классно было! Ничего не боялись. Вот я вспоминаю иногда и думаю: а вдруг бы на волков напоролись? – сказал Аскар.
- Так у нас же поджиг был! – отозвался Даулет, и они расхохотались.
- Вновь раздался звонок. Аскар по привычке потянулся к смартфону, но Даулет уже поднял трубку гостиничного телефона, удивленно переспросил:
- Девушки? Какие девушки?
- Пусть приходят, две, – выхватил трубку Аскар, – только нормальные, помоложе-подороже, – потребовал он.

VI

...Дома Даулет застал Валентину Петровну и маму Каната, тетю Майру. Они пришли советоваться с дедом по поводу ареста Каны. Дедушка в прошлом работал судьей, а потом долгое время адвокатом, поэтому к нему часто приходили люди, иногда совершенно незнакомые, из дальних аулов. Дед давал консультации бесплатно, от подарков отказывался и удивлялся тому, насколько люди невежественны и не знают элементарных вещей, не знают своих прав. «Кто угодно может такого обмануть!» – расстраивался он каждый раз. После таких визитов он сильно возмущался и читал Даулету нотации о том, как важно знать законы. Как важно уметь защитить себя, своих близких и при этом не причинить вреда другим.

– Завтра схожу, все разузнаю, – сказал дед. – Несколько нарушений я уже выявил из ваших рассказов, – успокоил он женщин, и те ушли домой.

Дед действительно разобрался, Каната выпустили через два дня, сняв с него все подозрения. Но ребята рассказывали, что Кану пытали, били пластиковой бутылкой с водой по почкам, чтобы синяков не оставлять, заставляли голым стоять на бетонном полу с поднятыми руками всю ночь, обливали холодной водой. Каждый добавлял новые подробности.

Даулет с Аскаром решили навестить Кану вечером в тот же день, как его выпустили. Возле дома они встретили Ритку, она выходила из калитки.

– Уходите, тетя Майра плачет, дядя Оспан пьяный. Он Каната из дома не выпускает, – сказала она, чуть не плача.

Ребята решили прийти попозже, когда уснет дядя Оспан.

* * *

В ту ночь выпал первый снег, он сыпал хлопьями и ровно ложился на землю. Даулет сидел на крыше сарая в ожидании Аскара и смотрел на снег. Все вокруг стихло: ни шороха, ни звука, ни колебаний ветра. Словно удивленная природа замерла от неожиданности. Даулету с раннего детства нравилась прозрачная

тишина первого снега, его особенный запах. В такие минуты мир казался ему родным и понятным, а время словно останавливалось. Он поправил на голове лисий тымак, вытащил из отворота мешочек с травой. Насыпал на бумагу, задумался, прежде чем закрутить, но, оглянувшись на внезапно залаявшего Актоса, выронил заготовку. Анаша рассыпалась, провалилась в пушистый снег, словно ее и не было.

– Давай по одной, и к Кане сходим, – сказал Аскар, забираясь на крышу.

– Не, я не буду, – ответил Даулет, вытаскивая из отворота шапки пакетик для Аскара.

– Как хочешь, – Аскар привычным движением высыпал в папиросину траву, прикурил и медленно вдохнул.

Улица ярко освещалась снегом, и ребята не решились подойти к крыльцу дома. Они обошли его, остановились ближе к комнате Каны и по очереди свистнули. Вскоре дернулась штора в узкой раме окна, и они увидели лицо Каны. Он махнул им, показывая, что сейчас выйдет.

– Салам, мужики! Вы чё так поздно? – сказал, трясаясь от холода, Кана.

Он выбежал в трусах, майке и калошах, лишь накинув на себя дырявый чапан. Его белые тонкие ноги в пупырышках нелепо торчали из-под чапана, и казалось, что вот-вот они подогнутся, и Кана свалится на снег. Даулет потянулся к нему, словно спасая от падения, пытаясь поддержать, но Кана пугливо отпрянул в сторону.

– Как ты, братан? – глухо спросил Даулет.

– Нормально. Мать говорит, твой дед меня вытащил, – сказал Кана, – но это еще не конец, и вы подальше от меня держитесь, – продолжил он неожиданно уверенно.

– Кана, скажи, из-за чего тебя вообще арестовали? – спросил настойчиво Аскар.

– Кто-то наркотики украл у бандитов, подозревают меня. Все, я пошел, а вы уходите! Не надо ко мне приходиться, это опасно, – сказал обреченно Кана, прошел несколько шагов, но вдруг остановился, обернулся и посмотрел на ребят по очереди.

Даулет не выдержал его взгляда, опустил глаза, а когда поднял их, Кана уже смешно подпрыгивая, бежал к дому.

– Эй, Кана, ты чё, в натуре, нас подозреваешь? – не удержался Аскар.

– На воре шапка горит. Больше сюда не приходите, – крикнул Кана и, скрипнув дверью, скрылся в доме.

– Ничего себе он гонит! Он что-то знает? – начал громко возмущаться Аскар.

Но Даулет осадил его:

– Тихо, тихо, ты чё, блин, расшумелся! Ты под наркотой, не забывай! Короче, надо нам с этой фигней завязывать.

Но Аскар не унимался, он хотел снова вызвать Кану и разобраться с ним. Даулету стоило больших усилий увести его от дома Каны.

Через некоторое время Аскар начал громко петь:

Пиппа-пиппа-пибариба-риппа

Миру – миру – миру мир

Пису – пису – пису пис...

Даулет наблюдал за Аскарком, понимая, почему дед заподозрил его как-то вечером. Дед спросил его тогда, отчего он так возбужден и глаза блестят, – не покуривают ли они с другом травку? Аскар успокоился только через пару часов, когда они, оседлав лошадей, прокатились по окрестностям поселка и вернулись домой.

Он перестал кричать и петь, как-то вдруг затих и спросил:

– Как ты думаешь, они выйдут на нас? Они нас арестуют?

– Не знаю, но с анашой нам надо точно завязывать, – ответил Даулет.

– Я вот думаю, откуда Кана знает про нас?

– С чего ты взял, что он знает, ничего он не знает.

– А чё он сказал, что на воре и шапка горит. А если знает и сдаст, то нам крышка...

– Всё, пошли домой, надоело мне с тобой возиться. Я спать хочу, – сказал раздраженно Даулет.

– Ты иди, я еще прогуляюсь, проветрюсь, чтобы батя не учуял.

– Угу, – ответил Даулет и пошел к дому.

На следующий день их отпустили со школы после первого урока. Сказали, что всех учителей вызвали в районо.

VII

...Проституток звали Рита и Айсулу. Рита – молоденькая крашенная блондинка. Айсулу – постарше, яркая брюнетка. Услышав их имена, Даулет с Аскарком расхотались – вспомнили своих одноклассниц.

Айсулу пришла к ним в восьмом классе. Худенькая, высокая, две длинные толстые косы, казалось, оттягивали ее голову назад, заставляя держать осанку. Раскосые глаза и длинные ресницы. В ситуациях, когда другие девчонки давно бы раскраснелись или расплакались, Айсулу еще больше выпрямлялась, опускала ресницы и молчала. Так же она поступала и на уроках, когда не знала ответа на вопросы учителей. Даулет с Аскарком влюбились в нее с первого взгляда. Передавали ей подарки и записки через Ритку и пытались ухаживать. Через месяц Айсулу приняла ухаживания Даулета, согласилась пойти с ним в кино. Аскарку трудно было с этим смириться. Друзья даже пару раз подрались, не разговаривали некоторое время, но летом снова помирились, когда Айсулу уехала обратно в город. Тогда они поклялись друг другу больше никогда не ссориться из-за баб.

– Ритка, а тебе есть восемнадцать? – спросил Даулет, внимательно рассматривая блондинку в коротеньких шортах. Он не мог оторвать глаз от ее длинных, стройных ног.

– Конечно, есть, паспорт показать? – ответила она нарочито дерзко.

– Брат, чё ты грузишься? У меня тут все схвачено! – сказал Аскар. – Давай лучше выбирай, – залпом опустошив рюмку, он указал на девушек.

Те нарочито надули губки и призывно посмотрели в сторону Даулета.

– Нет, ты что! – отвернулся от девушек Даулет. – Ты мне и так праздник устроил, это лишнее, – смущенно ответил он.

Теперь проститутки повернулись в сторону Аскара.

– Ты что, брат, обидеть меня хочешь? Ты мой гость, выбирай! – повторил Аскар.

Даулет снова повернулся к девушкам:

– Девчонки, чё приуныли! Давайте к столу, угощайтесь. Что пить будем?

– Чем угостите, то и будем, – ответила небрежно Рита.

– Нет, ты все-таки выбери! – настаивал Аскар.

– Ну ты даешь! Ладно, выбираю Ритку, Айсулу у меня уже была, – сказал

Даулет, подсаживаясь к блондинке.

– Что ты имеешь в виду? – внезапно повысил голос Аскар. – Как это была?

– Ну дружили же мы с ней... Вот я и говорю, – опешил Даулет.

– Вот именно – дружили. Чё ты из себя героя-любownika корчишь? – окончательно рассердился Аскар.

– Вау-вау! Брателла, ты чё, ревнуешь? Когда это было... – попытался усмирить друга Даулет, вскочив с дивана.

Но Аскар встал, молча зашел в спальню и захлопнул за собой дверь. Даулет снова сел на диван и подмигнул притихшим девушкам. Айсулу продолжила прерванную трапезу, а Рита налила Даулету водки.

– То что надо! – улыбнулся он ей. – Давайте, девочки, выпьем...

В это время зазвонил мобильный, и в комнату вышел Аскар, в брюках и с голым торсом.

– Да, Маке, слушаю, – ответил он и снова скрылся в спальне.

Даулет не слышал, о чем говорилось за стенкой. Но через некоторое время Аскар снова вышел из спальни, уже в хорошем настроении, и увлек за собой Айсулу.

– Тебе точно есть восемнадцать? – спросил еще раз Даулет, когда Рита опустила тарелку и потянулась к бокалу с шампанским.

Она не ответила, отпила глоток и села к нему на колени. Из соседней комнаты уже раздавались стоны...

* * *

Наутро Даулета не оставляло чувство, что он ночью обидел Аскара, ляпнул что-то не к месту про Айсулу, и это беспокоило его.

Когда они проводили проститутку, он спросил:

– Ты не знаешь, где теперь Айсулу?

– Говорят, в Штатах живет, за америкоса замуж вышла, – ответил Аскар.

– Ничего себе! Как она туда попала?

– На работе, говорят, познакомились, – ответил сухо Аскар, показывая, что не хочет об этом говорить.

– Ну и ладно, пусть будет счастлива, – сказал Даулет, закрывая тему.

Может, показалось ему, что Аскар обиделся, а может, взбрыкнул по пьяному делу, успокоил себя Даулет.

– Даука, ты всерьез про ферму говорил, точно хочешь там работать? – спросил неожиданно Аскар, и Даулет обрадовался, что разговор снова переходит на дружеский лад.

– Вообще можно попробовать, всё равно мне здесь делать нечего, – ответил Даулет.

– Ну, за это выпить положено, – сказал Аскар, доставая из холодильника бутылку коньяка.

– А давай! – согласился Даулет. – Давай за тебя выпьем, спасибо тебе! Царский дастархан мне устроил, девочку красивую... Давно так не отдыхал. За тебя!

– Свои люди, сочтемся...

– Когда ты обратно уезжаешь?

– Сегодня вечером.

– Может, мне с тобой сразу и поехать? – произнес задумчиво Даулет.

– Успеешь собраться? – спросил Аскар, по новой разливая коньяк.

– Бедному собраться – подпоясаться, – ответил Даулет.

– Тогда на посошок, – и Аскар снова разлил.

– Давай! – поддержал его Даулет.

Они снова чокнулись и выпили.

– Отлично, – блеснул глазами Аскар, – тогда спускаемся на завтрак, и ездай домой, собирайся. Вечером я за тобой заеду.

– Всё так просто?! Чувствую подвох... – хитро улыбнулся Даулет.

Аскар глянул на него настороженно, но не успел ответить, как Даулет расплылся в улыбке:

– Все отлично, брат! Спасибо! – и обнял его.

Только ушел Даулет, как позвонил Маке. Этого звонка ожидал и боялся Аскар. Не хотелось вспоминать, как не смог сдержаться, вспылил ночью, когда давняя история кольнула его с новой силой. Теперь вот надеялся, что Маке не вспомнит про ночное обещание. «Да уж этот забудет!»

– Ассалам алейкум, Асеке! Ну как, уладил с тем мужиком?

– Алейкум ассалам, Маке! Уладил, кажется.

– Когда привезешь?

– Тут такое дело... Он мой одноклассник, если что – я не при делах.

– Чего боишься? Кого боишься?

– Ну мы же друзья типа, неудобно.

– Его кто-то будет искать?

– Нет, не в том дело...

– Ну если искать никто не будет, то все в порядке. Толковый мужик?

– С высшим образованием, в международной компании работал.

– Эй, ты что, мне шпиона подсылаешь?

– Да вы что, Маке? Пропаций он, спивается, и нет у него никого.

– Откуда знаешь?

– Я же говорю, одноклассники мы с ним, соседи с детства.

– А где родственники?

– Родители погибли еще давно, дед умер вот уже лет десять назад.

– Смотри, Асеке! Если что, сам разгребать будешь.

– Конечно, Маке, не проблема.

– Ну ладно, давай, когда привезешь?

– Бог даст, завтра дома будем.

– Вот и отвези его сразу на ферму к Казбеку. Если всё, как ты говоришь, то мы в расчете.

– Спасибо, Маке, созвонимся, до свидания.

VIII

...Аскар стоял у калитки Риткиного дома вот уже целый час, ждал ее с тренировки. Пока ждал, дважды выходила Ома. Высокая и прямая, как палка, бабушка Ритки Цвайгерт. Она разговаривала только на немецком языке и даже когда понимала, о чем речь, отвечала по-немецки.

– Guten Tag, Oma! Ist Ritka zu Hause? – заученно поздоровался с ней дважды Аскар.

Она что-то говорила в ответ, и он знал, что Ритки нет. Если бы она была дома, Ома открыла бы дверь и громко позвала: «Ritka, komm raus! Jemand wartet auf dich». И вышла бы Ритка. Но Ритки всё не было. Она появилась затемно вместе с Айсулу. Это было некстати, и Аскар спрятался за забором. Девочки смеялись и обсуждали какую-то записку.

– Передам завтра в школе. Пока! – сказала Ритка.

– Спасибо, Ритка! Пока!

Девочки попрощались, и Айсулу пошла домой. Аскар следовал за ней, пока девушка не скрылась за дверью дома. Потом он побежал обратно. Бросил Ритке в окно камень. Ритка залезла на подоконник и открыла форточку.

– Кто там? – спросила она.

– Это я, Аскар.

– Аскаррик? Чё на улице торчишь? Прохладно же, заходи в дом, – сказала она.

– Не, я Омы твоей боюсь, выйди во двор, – попросил Аскар.

Ритка задернула штору, подкрасила розовой помадой губки, накинула кофту и вышла на улицу.

– Аскаррик, может, зайдешь, прохладно же, – повторила Ритка, подходя к калитке.

– Да не холодно, – смущенно улыбнулся Аскар.

Он не знал, как начать разговор.

– Ну как у тебя дела? – спросил он.

– С тобой всё в порядке? Мы же виделись сегодня в школе.

– А чё, Айсулу с тобой на каратэ ходит? – нашелся Аскар.

– Нет, не ходит, а что? – спросила она.

– Хотел кое-что передать... – И Аскар, опустив глаза, вытащил из кармана бархатную коробочку. – Вот, передай ей, пожалуйста.

– Вы чё, с ума посходили?! – ответила с раздражением Ритка.

Взяла коробочку и, не попрощавшись, пошла к дому.

В это время на крыльце появилась Ома и громко скомандовала:

– Ritka, mach kalitka zu!

Ритка вернулась к калитке и задвинула железный засов.

На следующий день на уроках Аскар всё время наблюдал за Айсулу. Первым делом смотрел на ее руки. Наденет ли она кольцо, которое он передал? Перед последним уроком к нему подошла Ритка и протянула коробочку.

– Вернула обратно, – сказала она.

Аскар не поверил ей и решил сам вручить Айсулу кольцо. После уроков он долго кружил вокруг ее дома, а потом забрался на соседний сарай и стал наблюдать. Но девочка до вечера так ни разу и не вышла. Аскар собрался уже уходить и вдруг увидел Даулета. Тот дважды свистнул, и через минуту на крыльце появилась Айсулу – в нарядном платье, с распущенными волосами. Выбежала за ворота, и они с Даулетом, взявшись за руки, пошли в сторону клуба. Аскар незаметно шёл за ними и иногда слышал голоса: приглушенный, ставший бархатным бас Даулета и мелодичный смех Айсулу. Аскар прибежал домой и долго плакал в сарае, уткнувшись в сноп сена. Непонятно, что задевало его больше: равнодушие Айсулу

или предательство друга? Ведь он признался ему в своих чувствах к Айсулу. Вот олух! Хотя ведь он тоже предал Даулета. Два года назад, в феврале... Донес на него. Струсил, аккуратно написал показания под диктовку следователя. Аскар снова разрыдался. Успокоившись, подумал, что поход в кино ничего не значит, возможно, Айсулу и с ним согласится в кино пойти. Он вернулся к кинотеатру, дождался, когда парочка выйдет, и снова незаметно пошел за ними. Возле дома Даулет взял Айсулу за руку и притянул к себе. Аскар с нетерпением ждал, когда девушка оттолкнет Даулета. Но Айсулу не противилась, она прижалась к нему и ответила на поцелуй.

* * *

Даулет заметил крадущегося за ними Аскара, когда они с Айсулу шли в кинотеатр, и поэтому старался разговаривать шепотом. Не хотел, чтобы друг слышал их беседу. Даулет злился на друга и одновременно чувствовал перед ним вину, ведь Аскар первым признался в любви к девушке.

Он не ожидал, что Аскар станет следить за ними и после фильма. Даулет заметил его в самый неожиданный момент. Когда они с Айсулу целовались, он на мгновение приоткрыл глаза и боковым зрением увидел торчащую за соседним забором голову Аскара. Тут он разозлился и больно сжал руку Айсулу. Она громко ойкнула, вырвалась из его объятий и побежала к крыльцу domu.

– Айсулу! – крикнул он ей вслед, но она, не оглядываясь, забежала в дом.

Даулет устремился в сторону Аскара, ему захотелось разобраться с ним, высказать... Но Аскара и след простыл. «Ничего, застану его врасплох», – думал Даулет, быстро шагая к дому. Но злость его быстро растаяла, вспомнилось прикосновение к щеке ее шелковых ресниц, рука невольно потянулась к щеке. Вкус ее губ... Он не заметил, как вошел в дом, разделся и лег в постель.

Даулет не вспоминал про друга до следующего утра, пока дед не спросил его:

– Вы что, повздорили с Аскаром? Он не зашел за тобой, один в школу побрел, без настроения.

– Всё в порядке, ата, просто ему пораньше надо быть в школе, – нашелся Даулет, но в груди у него остро кольнуло.

Да, Аскар первым признался в своих чувствах Айсулу. Но Айсулу выбрала Даулета, и Даулет даже поначалу решил отступить, не мешать Аскару. Старался на уроках не смотреть в ее сторону. Даже свыкся с мыслью, что Айсулу ничего для него не значит, пока не получил от нее записку, в которой она признавалась ему в любви. Даулет перечитал записку раз сто, словно не веря своим глазам. В ту ночь он заснул лишь под утро, не зная, как поступить. Утром подумал, что это шутка. Опять старался не обращать внимания на девушку, но, мельком поймав ее улыбку, растерялся – и внутренне засиял. А когда Ритка намекнула ему на ответную записку, пригласил Айсулу в кино. Только не знал, как объясниться с Аскаром. Но теперь, когда он все знает, тем лучше. Будь что будет!

IX

...Даулет вернулся домой, зачем-то обошел всю квартиру, затем положил в спортивную сумку смену белья, свитер и джинсы. Приготовил высокие теплые ботинки, пуховик, шапку и перчатки. Бросил в сумку несколько книг, блокнот и пару ручек. Потом решил вынести мусор и навести порядок перед отъездом, он

всегда так делал. Иногда не убирался в квартире месяцами, а перед отъездом в командировку с удовольствием делал генеральную уборку. Даулет собрал в кучу старые газеты и журналы, сгреб весь хлам со стола и раскрыл настежь двери балкона, чтобы проветрить квартиру.

Через несколько часов квартира по-настоящему опустела: Даулет выбросил старое кресло, стулья из кабинета и покосившийся шкаф из спальни. Содрал и выкинул шторы, вымыл окна.

Он стоял у книжных полок, перебирая книги, когда в дверь позвонили. Это был почтальон с заказным письмом. Даулет расписался о получении и вскрыл конверт. Письмо от дяди Олжаса, ученика и друга дедушки. Дядя Олжас обычно звонил на мобильный или на домашний телефон. Но в последнее время телефон Даулета часто отключали за неуплату, а мобильный он выбросил со злости, когда уволился с работы. Дядя Олжас приглашал его на свадьбу внука в Астану и был обеспокоен долгим молчанием. Даулет взял в руки трубку и набрал на память мобильный номер дяди Олжаса. Услышав короткие гудки, вспомнил, что межгород у него давно отключен. «Ничего, позвоню из Караганды, а может, и заеду», – решил он.

* * *

Жакен купил двухкомнатную квартиру в Алматы за несколько месяцев до денежной реформы девяносто третьего года. Натолкнула его на это Жазира-апа.

Олжас переехал как раз в Алматы с семьей, приобрел кооперативную квартиру в новом доме и пригласил их на новоселье. Просторная трехкомнатная квартира с высокими потолками и лоджиями настолько понравилась Жазире-апа, что она неожиданно высказала свое пожелание:

– Вот бы и Даулетжану такую квартиру купить в Алматы, а то неизвестно, что завтра будет. Нам ведь недолго осталось, Жаке. А он умный парень, учиться хочет.

– А что, она правильно говорит! Тут как раз за стенкой двухкомнатная пустует. Ее кто-то собрался купить, а в последний момент отказался, – поддержал ее Олжас. – Рядом с нами жить будет, мы тут за ним присмотрим.

– А ведь ты права, Жазираш, – сказал Жакен. – У меня и деньги на сберкнижке есть, я ведь их для Даулета собирал.

Долго не откладывая, Жакен снял все деньги, купил соседнюю квартиру и оформил завещание на внука.

После этого случая Олжас называл Жазиру-апа финансовым аналитиком.

– Она предвидела денежную реформу и посоветовала Жакену-ага инвестировать сбережения в недвижимость, – любил он подшучивать над ней.

Дядя Олжас и тетя Рабига после смерти деда заменили Даулету семью. Даулет понял это только после их отъезда в Астану. Мир, полный событий и красок, сузился до размеров одной квартиры и потускнел. Не с кем поделиться радостью, не перед кем показывать себя в лучшем свете. Тетя Рабига не только кормила и обстирывала его, но и за порядком в квартире следила. Очень деликатно, незаметно для него. А главное, они всей семьей поддерживали в Даулете веру в необходимость повседневной рутины. После их отъезда он пытался жить как прежде. Но ничего не получалось, не хотелось вставать с утра, идти на работу. После работы не хотелось возвращаться домой... Квартира быстро обветшала.

Сам Даулет тоже словно обветшал. Кому нужны его работа, деньги, дурацкие, устаревшие принципы? Да и сам он кому нужен?

Как тому подтверждение, начались неприятности по всем фронтам. Жанар, на которой он хотел жениться, оказалась любовницей шефа-иностранца. Нурлан, его заместитель, как выяснилось, давно подсиживает его, собирает компромат. То ли рушился мир, то ли он долгое время ничего вокруг не замечал или не хотел замечать?

Даулет сбросил с полок все учебники, справочники, журналы, книги, тетради с заметками и вырезками, которые хранил еще со студенческих лет, чтобы позже вернуться к ним, но так ни разу и не просмотрел. Собрал и сложил их в пакеты. Обнаружил среди них несколько учебников по шахматам, вернул на место. Потом вынес пакеты на улицу и без сожаления швырнул их в контейнер.

Затем перебрал все книги по шахматам. Давно хотел найти сборник шахматных игр с чемпионатов мира. А именно, вспомнить все партии знаменитой игры Фишера – Спасский 1972 года. Длинная, непредсказуемая, местами нелогичная игра. Особенно со стороны Фишера. Но Даулету его позиция была каким-то образом понятна, и не только в этой игре, но и во всех остальных. Ему казалось, что игра Фишера вносит дополнительный смысл и разнообразие в привычную и удобную линейность человеческой логики. Нарушает и одновременно создает определенный порядок. Как это объяснить, он не знал, пробовал донести эту мысль до деда и дяди Олжаса. Даулет был уверен, что никто, кроме них, не поймет его.

Дед не умел играть в шахматы, и Даулету пришлось рассказать ему игру по партиям, пользуясь не шахматной, а бытовой лексикой. Реакция деда удивила и обрадовала Даулета.

– Американец еще тот хулиган, путает Спасского, как хочет. Относится к игре, как ребенок, поэтому и выигрывает, а Спасский – бедолага, слишком уж серьезный. В этом его проблема.

Дядя Олжас играл в шахматы, но не любил длинные партии, ему не хватало терпения. Поэтому он не вник до конца в игру Фишер – Спасский, и Даулету пришлось пересказать ему финал.

– Чужая голова – потемки, я не пытаюсь понять мотивацию окружающих, стараюсь построить свою жизнь, как умею, – высказал тот кратко свое мнение.

Даулет тогда разочаровался в нем, даже снял с пьедестала, на который ставил всех людей, имеющих отношение к деду. Но дед любил дядю Олжаса и называл его отчаянным – жанкешті. Возможно, это и объясняет его жизнелюбие и активность. Дядя Олжас брался с энтузиазмом за любую работу и добросовестно выполнял ее. Сейчас он работал руководителем какого-то государственного ведомства в Астане.

Даулет вдруг задумался, почему он не обсуждал эту игру с Аскарком?

Аскар не узнал квартиру Даулета, когда заехал за ним. Паркет начищен, окна прозрачные, книги в ряд, постель аккуратно заправлена, только въевшийся запах перегара и пошарпанная входная дверь напоминали о вчерашнем бедламе.

– Ничего себе! – только и воскликнул он.

– Это благодаря тебе, – широко улыбнулся Даулет. – Сейчас я тебе кофе сварю и поедем, я тут кофе в зернах откопал в шкафу и турку. У меня даже кофемолка завалилась. Один араб в Алжире научил меня особый кофе готовить, когда я там в командировке был.

- Ну давай, – согласился Аскар, – у меня с собой коньяк как раз есть.
- Помнишь, мы на шахматах игру Фишер – Спасский изучали? – закинул удочку Даулет.
- Помню. Ты ее наизусть знал, тренер тебя хвалил за это, – ответил Аскар.
- Даулет насыпал в турку две ложки свежемолотого кофе, залил кипятком и поставил на огонь.
- Нет, я не про это, ты саму игру помнишь? – уточнил Даулет.
- Помню кое-что, я ведь не хотел от тебя отставать, – улыбнулся Аскар.
- Да ладно! – засмеялся Даулет, добавляя в кипящий кофе перец и другие приправы. – Вот что тебя в ней зацепило, в этой игре?
- Да ничего не зацепило, в том-то и дело. Никак не мог понять, почему тебе игра Фишера нравится? Он же больной на всю голову! Вроде как чемпион мира, а ведет себя, как лох. Еще и в политику полез... А в политике трезвый ум нужен, а не выкрутасы.
- Ну, тебе лучше знать, – ответил Даулет, разливая по чашкам душистый кофе. Они допили коньяк в машине, поговорили немного и уснули.

X

- ...Милиционеры ворвались в дом без стука.
- Аскар Иманкулов здесь проживает? – спросил один из них.
- Аскар даже не успел испугаться, а мама побледнела и спросила:
- Зачем вам мой сын?
- Убили Каната Бекишева. А вашего сына ночью рядом с его домом видели. Это его обувь?
- Хадиша кивнула и продолжала стоять в растерянном оцепенении. Милиционер взял в руки ботинки и осмотрел подошву.
- Наследил ваш сын, – произнёс он, протягивая ботинки другому милиционеру.
- Тот положил их в целлофановый мешок.
- Одевайтесь! Поедете с нами в участок, будете сопровождать сына, – сказал милиционер.
- В отделении Аскара ввели в кабинет. За столом сидел человек в гражданском.
- Это кто у нас? – спросил он, обращаясь к конвойному.
- Свидетель по убийству Бекишева. Вы просили привести.
- Почему в наручниках, если свидетель?
- Ну, это... Мне сказали.
- Кто сказал? Что у вас здесь творится? Снимите наручники! – приказал он.
- Сержант снял с рук Аскара наручники и теперь вопросительно смотрел на человека за столом. Тот махнул ему, чтобы уходил.
- А ты садись сюда, – обратился мужчина к Аскару. – Полное имя, год рождения.
- Иманкулов Аскар Каригулович, восемьдесят первого, – ответил Аскар.
- Так тебе еще четырнадцати нет?
- Нет еще, – ответил Аскар, – летом исполнится четырнадцать.
- Мужчина снял трубку телефона и набрал номер. Аскар услышал длинные гудки, а потом кто-то ответил.
- Это следователь Шарипов, зайдите ко мне.

Вскоре в кабинет вошел человек, который несколько дней назад арестовал в школе Кану. Теперь он был в форме и с погонами старшего лейтенанта.

– Свидетель несовершеннолетний, вы должны присутствовать, – сказал ему Шарипов.

– Так я не знал, что его привезли, – ответил тот и сел на стул напротив Аскара. Потом спросил: – Его мать сидит в коридоре, пригласить?

– Конечно, пригласите.

В кабинет вошла Хадиша. Увидев, что с рук Аскара сняли наручники, она с надеждой посмотрела на мужчин и тихо поздоровалась.

– Здравствуйте! – ответил следователь. – Я майор Шарипов, из областного отдела по уголовным делам. Расследую убийство Бекишева Каната. Садитесь, – указал майор на стул у входа. – Ваш сын приглашен сюда как свидетель. Вы будете присутствовать при даче показаний.

Хадиша села, и Шарипов снова обратился к Аскару:

– Расскажи, что ты делал вчера ночью у дома Бекишева Каната?

– Я хотел с ним поговорить, узнать, как дела.

– Среди ночи? Почему так поздно?

– Мы приходили к нему вечером, но дядя Оспан, его отец, не пустил нас, – ответил тихо Аскар и оглянулся на маму.

Хадиша кивнула ему в поддержку.

– Кого вас? – спросил следователь и, следуя взгляду Аскара, тоже посмотрел на Хадишу.

– Ну, меня и моего друга Даулета, – уверенно ответил Аскар

– Как фамилия Даулета? – спросил следователь, беря ручку.

– Алтаев, он мой друг и одноклассник, – ответил Аскар.

Шарипов записал имя и фамилию Даулета в блокнот.

– Что дальше? Вы пошли к нему ночью?

– Нет, мы пошли к нему часов в десять, но он не стал с нами разговаривать, вот я и решил зайти позже, – ответил Аскар и снова посмотрел на Хадишу.

– Сколько раз вы к нему ходили? – уточнил следователь.

– Три раза: вечером, часов в семь, потом в десять и потом, не знаю во сколько, поздно было.

– Ночью опять вдвоем ходили? – спросил Шарипов и в упор посмотрел на Аскара.

– Нет, последний раз я один ходил, – опустил голову Аскар.

– За что ты его убил? – спросил неожиданно следователь.

– Не убивал я никого! – из глаз Аскара брызнули слезы.

* * *

Ребята высыпали гурьбой на школьный двор и дружно направились к спортивной площадке. Вскоре началась снежная баталия, к которой присоединялось всё больше и больше детей, выбегающих из школьных дверей. Первый снег успел за ночь уложиться в высокие сугробы и стал теперь полем безудержного веселья. Сотня мальчишек и девчонок, больших и маленьких, визжали, кричали и дурачились на снегу. Даулет успел обвалить в снегу почти всех одноклассниц, сам получил несколько снежков за шиворот и только подступился к Ритке, как увидел Аскара, одиноко бредущего в сторону дома.

– Аскар! Аскар! – крикнул он и, не дождавшись ответа, схватил рюкзак и помчался вслед за ним.

Аскар заметно ускорил шаги, но Даулет все же нагнал его и, прыгнув сзади, повалил на снег.

– Отвали! – зло выпалил Аскар, оттолкнул Даулета и поднялся на ноги.

– Что случилось? Батя побил? – спросил Даулет, заметив ссадину на лбу Аскара.

– Нет, ударился, – ответил Аскар, прикрывая челкой лоб и отводя глаза. Потом сел на снег, отвернулся и сказал: – Кану убили.

– Что? Откуда ты знаешь? – Даулет наклонил голову к Аскару.

– Я ходил к нему вчера ночью, после того как ты домой ушел.

– И что?

– Он в сарае лежал с ножом в сердце и не дышал.

– Ни хрена себе! – выдохнул Даулет и сел рядом с другом на снег.

– Кто его убил?

– А я знаю?!

– Короче, давай, рассказывай все по порядку, – сказал Даулет, вставая и подавая руку Аскару, чтобы тот тоже поднялся, – а потом Кану наведем... Может, тебе привиделась вся это фигня.

– Если бы! И зачем я к нему поперся, блин, хотел расспросить его...

– Ну и...

– Не успел... постучался к нему в окно... он отозвался, вот я и пошел к крыльцу...

– Потом?

– Потом кто-то меня ударил сбоку, – сказал Аскар, приподнимая волосы и показывая ссадину, которую до этого так тщательно прикрывал.

– Ни хрена себе!

Друзья свернули за угол и зашли в полуразрушенный дом, где уселись на железной кровати, покрытой картоном.

– Когда очухался, голова сильно кружилась, еле встал на ноги, а Каны нет. Смотрю, следы в сторону сарая ведут. Вот и пошел туда, – дрожащим голосом рассказывал Аскар. – Там Кана, лежит на полу сарая, возле стойла, в майке и трусах... И нож из груди торчит...

Он заплакал, прикрыв лицо руками.

– Давай сходим к Кане, может, тебе показалось? – несмело предложил Даулет.

– Да был я уже там, с утра. Тоже надеялся на чудо... – ответил сквозь слезы Аскар. – А там тетя Майра рыдает, аж на улице слышно, и люди начали собираться.

Теперь и Даулет расплакался, отвернувшись от друга, а потом вдруг вскочил и сказал:

– Я знаю, что делать! Надо дедушке моему все рассказать честно, а там будь что будет!

– Ты чё, дурак?! Нас же убьют, как Кану, никакая милиция не поможет! И не забывай, на нас его кровь.

– Вот засада! А я не подумал про это, – согласился Даулет.

– Никто не знает про нас, а мы спалимся!

– Ты прав, если бы они знали, то давно бы нас... – присел от удивления Даулет.

– Я не мог заснуть, думал до утра и понял, что нам надо молчать про наркоту, а то убьют и тебя, и меня, – сказал Аскар. – Поклянись, что не расколешься!

– Ты прав, нам лучше молчать, – кивнул Даулет. – Пусть у меня язык отсохнет! – продолжил он и высунул язык.

Эта детская клятва казалась теперь такой глупой и неуместной, что мальчики стыдливо отвернулись друг от друга

– Деду ни слова! – напомнил Аскар.

– Могила! – ответил Даулет.

Мальчики решили на всякий случай перепрятать наркотики. Пошли в сарай к Даулету, достали из подвала пакет, вернулись в заброшенный дом и закопали его там. Уже дома, обедая, Даулет увидел в окно, как у ворот Аскара остановился милицейский уазик. Он вскочил со стула, не обращая внимания на удивленный возглас деда, и выскочил во двор. Даулет наблюдал, как Аскара в наручниках вывели из дома. Они переглянулись, Аскар даже успел показать ему язык. Даулет кивнул ему в ответ и заметил, что друг выглядел на удивление спокойным.

XI

...Даулет проснулся, когда джип спускался в подземную парковку элитного ЖК...

Лифт остановился на девятом этаже. Дверь квартиры открыла миловидная женщина с грустными глазами.

– Аскар? – ее лицо вытянулось и помрачнело.

– Да. По детям соскучился, – ответил Аскар, широко распахивая дверь. – Пройди, Даука, – сказал он, обращаясь к другу.

– Райхан, привет! – несмело поздоровался Даулет.

– Даулет?! – обрадовалась женщина. – Я вас со свадьбы не видела. У нас много ваших фотографий, проходите. – Потом, обращаясь к Аскару, продолжила: – Дети еще спят, пройдите пока в гостиную, я завтрак приготовлю, потом разбужу их.

– Я в душ пойду, приготовь чистую рубашку, – крикнул ей вслед Аскар.

– Можешь потише? Дети спят, – сказала Райхан, возвращаясь с рубашкой в руках.

Даулет устроился на диване в гостиной, осмотрелся. На стенах – фотографии детей, картины, рисунки. Большой диван, на полу мягкий ковер, на полках книги, игрушки, альбомы. На столе – игровой ЖК-монитор. Уютно и просторно. Он встал, подошел к окну. С девятого этажа кирпичный забор жирно выделял границу между идеально выложенной брусчаткой вокруг ЖК и ухабистым совковым асфальтом между криво-косо понатыканными панельными пятиэтажками. За забором, рядом с облезлой, проржавевшей магистральной трубой, расположились новенькие мусорные контейнеры ЖК. Двое бомжей рылись в них. Рядом, на земле уже стояли в ряд бутылки и несколько пакетов – их добыча.

– Пройдите на кухню, завтракать, – услышал он голос Райхан и последовал на кухню.

– Кажется, тут дороги совсем не ремонтируют, – поделился наблюдениями Даулет.

– Это вы на окраине не были, здесь еще ничего, – ответила Райхан.

В просторной, светлой кухне Райхан усадила его за большой круглый стол, накрытый к завтраку. Вскоре вошел и Аскар, с влажными волосами, в свежей рубашке.

Райхан разлила мужчинам чай, разложила по тарелкам горячие блины, пододвинула сметану, мед и пошла будить детей. Даулету показалось на мгновение, что он узнал ту, прежнюю Райхан, которую видел в день свадьбы много лет назад. Пока она разливала чай и хлопотала у стола, глаза её ненадолго прояснились, а губы тронула робкая улыбка, когда она смотрела на Аскара, по-хозяйски сидящего за столом. «Она его любит до сих пор», – подумал Даулет, а вслух сказал:

– Хозяйственная у тебя жена и готовит великолепно.

Блины и вправду были очень вкусными, начинка из творога – нежной, а сметана и мед, таявшие во рту, прекрасно дополняли завтрак.

– А чем ей ещё заниматься, я же ее полностью обеспечиваю, – ответил Аскар.

– Папа! Папа! – в комнату ворвался сначала мальчик лет десяти, а потом и девочка помладше.

Мальчик сел рядом с отцом, а девочку Аскар усадил на колени.

– Поздоровались? Марш умываться! – сказала, входя на кухню, Райхан.

– В зале кого-то ждут подарки, – объявил Аскар, и дети мгновенно сорвались с места.

– Вы надолго? – спросила Райхан, обращаясь то ли к Даулету, то ли к ним вместе.

– Перекусим и поедем, – ответил Аскар, – дел по горло.

Райхан посмотрела на него с укором.

– Конверт на столе, под вазой, как обычно, – напомнил Аскар.

Женщина обреченно кивнула. Когда Аскар прощался с детьми, Даулет заметил, как потускнели глаза Райхан.

Аскар сам сел за руль. Из окна джипа Даулет рассмотрел бомжей у контейнера, их теперь было трое: двое довольно молодых мужчин и женщина непонятного возраста рассовывали в китайские сумки наживу из контейнеров. Заметив выезжающую машину, мужчины опустили глаза, женщина отвернулась и надвинула ниже красную кепку.

Аскар опустил окно и выкрикнул:

– Валите отсюда, уроды, еще раз увижу, пожалеете, что родились! – он смачно плюнул в их сторону и выматерился.

Схватив сумки, бомжи дружно засеменили в сторону пятиэтажки.

– Ну ты зверь, я смотрю! – удивился Даулет.

– Уроды! Заразу разносят, нормальным людям жизнь портят. Тут же дети ходят! – завелся Аскар.

– Ну всякие же в жизни обстоятельства бывают, они же закон не нарушают, в конце концов, – ответил возмущенно Даулет.

– Заразу они разносят, говорю же!

Аскар внимательно посмотрел на Даулета и махнул рукой:

– Да ну их!

– Я смотрю, тут дороги со времен совка не ремонтировали, – отметил Даулет после очередного скачка машины.

– А ты думал, здесь, как в Астане, – образцово-показательно?

– Не до такой же степени...

– Ты еще многому удивись, это тебе не закулисные интриги в международной компании, – стрельнул глазами Аскар и добавил со знанием дела: – Здесь всё на выживание. Здесь по особым законам рулят.

– Да уж... А где твоя ферма находится?

– Ферма не моя, партнеров... моих партнеров... Короче, сложно всё это... без пол-литра не разберешься. Давай я тебя на квартиру отвезу, ты там отдохни, позже встретимся и на ферму поедем.

– Да ладно, занимайся делами, а я тут пока осмотрюсь. Чё мне дома сидеть, я лучше прогуляюсь. Вон, возле ЦУМа оставь меня.

– Встречаемся здесь же, через два часа, – сказал Аскар, останавливая машину.

XII

...После ареста Аскара дед велел Даулету сидеть дома, а сам отправился в милицию, наказав Жазире-апа ни под каким предлогом не выпускать внука на улицу.

– Ассалам алейкум, Жаке! – приветствовал деда начальник милиции, худощавый мужчина среднего роста с капитанскими погонами.

– Алейкум ассалам! Как дела, Галымжан? Как семья, все ли живы-здоровы?

– Слава богу, Жаке, – ответил Галымжан, пожимая Жакену руку.

– Что же у нас творится в последнее время? Детей сначала сажают, потом убивают, – вздохнул Жакен.

– Не вмешивайтесь, Жаке. Это плохая история, не дай бог и вам перепадет, и вашему внуку.

– При чем тут Даулет? – удивился Жакен.

– Аскар Иманкулов на него показания дает. Они же вроде дружат с вашим Даулетом, – ответил капитан, жестом приглашая старика сесть.

– Какие ещё показания? – спросил Жакен, усаживаясь на стул.

– Не знаю, но скоро за вашим внуком придут.

– Ты в своем уме? Как придут? За что? – вскочил со стула старик.

– Даулета и Аскара подозревают в убийстве. Их следы нашли около сарая.

– Зачем им Каната убивать? Ты же его только вчера выпустил за отсутствием улик! Ты же мне сказал, что ошибка вышла!

– Если б знал, лучше бы не выпускал... Брат его связан с Евлоевыми, он наркотики в город переправлял, а пацан то ли знал что-то, то ли украл... Иманкулов с вашим внуком тоже рядом с ним крутились... Если честно, мне самому запретили вмешиваться, из области недавно следователь приехал, – смущенно рассказал Галымжан.

– Ну ты даешь! В поселке наших детей убивают, а ты вмешиваться не будешь!

– Ой-бой, аксакал, вам легко рассуждать. «Наркотики», «дилеры» – я таких слов раньше и не слышал! Эти братья Евлоевы, чтоб им! Жили бы себе в Ингушетии, а то устроили тут! Я ведь с Евлоевым Акмурзой в одном классе учился, мы даже дружили... Кто знал, что все так обернется, – развел руками Галымжан.

– Понятно. Значит, ты – пустое место?! А наши судьбы в руках преступников? Теперь следователь из области будет решать их! – воскликнул Жакен и вышел из кабинета, хлопнув от досады дверью.

После встречи с начальником милиции Жакен зашел на почту и позвонил домой. Трубку взяла Жазира.

– Скажи Даулету, что я жду его у Ивана! – сказал с горечью в голосе Жакен.

– Жаке, неужели все так серьезно? – расстроилась Жазира.

– Некогда рассказывать, Жазираш, некогда, быстро собери парня в дорогу и отправляй к Ивану. Сама уходи к дочери, а дом запри на замок. Я сам Даулета в область повезу. Не отдам единственного наследника на растерзание.

– Жаке, в городе у Мухтара можете остановиться, я позвоню, он вас встретит.

– Остановиться есть у кого, не стоит зря сына беспокоить, у него и без нас забот полно, – подытожил Жакен.

– Ну, как скажешь, – вздохнула Жазира. – Жолдарың болсын!

* * *

Однажды баба Тася вытащила Даулета из котлована со сточной водой, где он чуть не утонул, пытаясь достать свой бинокль. Она бросилась в грязную воду прямо в одежде.

Обняла его, грязного и мокрого, уже на берегу и сказала:

– Тяжело без мамочки, знаю, милый...

Даулет долго рыдал, прижавшись к бабе Тасе. Она молча гладила его по голове и тяжело вздыхала.

Она никому не рассказала о случившемся, даже Даулету ни разу не напомнила. Возможно, думала, что он хотел утопиться. Этот случай сблизил их. Даулет стал иногда приходить к соседям, чтобы просто посидеть рядом с бабой Тасей. Она кормила его, усаживала и продолжала заниматься своими делами. Вязала, шила, мыла посуду, готовила. Никогда ни о чем не расспрашивала. Летом Даулет с Аскарком частенько воровали из огорода бабы Таси самую вкусную морковь и помидоры, иногда ранетки из палисадника, но она делала вид, что не замечает.

Иван был полной противоположностью своей жены и по внешности, и по характеру. Большой, шумный и веселый, он по вечерам играл на баяне и пел песни. Его репертуар включал все песенные жанры – от романса до частушек. На праздниках у соседей Иван выступал бессменным тамадой. Баба Тася тоже становилась веселой после рюмочки водки и громко пела частушки.

Иван с Тасей жили по соседству, пока Сергей, старший сын Ивана, не забрал их к себе. Сергей выкупил участок земли под теплицу. Выстроил на участке большой дом, теплицу для овощей. Теперь Иван помогал сыну с теплицей, а Тася помогала снохе по хозяйству и воспитывала внуков.

Даулет пришел в дом Ивана как раз к ужину.

– Здравствуй, сынок! Проходи, мой руки и за стол, – встретила его баба Тася.

– Надо подкрепиться перед дорогой.

– Спасибо, баба Тася. Меня Жазира-апа накормила и с собой еды положила, – ответил Даулет.

После ужина Иван отвез их на своих жигулях в районный центр, на автостанцию. Там Жакен с внуком сели в автобус до Джезказгана.

XIII

...Даулет сразу направился в ЦУМ: там должен быть банкомат. Он почти два года жил на заначку, которая все еще позволяла ему не обрасти долгами. По его расчетам, там оставалось еще тысяч пятьдесят тенге, и на валютном счете несколько сотен долларов.

Возле центрального входа миловидная девушка в желтой стеганой куртке и белом фартуке торговала мороженым, с другой стороны стоял передвижной ларек с горячими напитками и выпечкой. Даулета удивили цены: вдвое дешевле, чем в Алматы. Он вошел в универсам и словно очутился в конце девяностых: большинство бутиков выглядели, как торговые ряды на барахолке: товар сложен на прилавке, лишь некоторые образцы висят на стене рядами. Даулет обошел два этажа, но не нашел ни указателя, ни банкомата. Обратился к охраннику в униформе, тот отправил его в подвальный этаж. Там Даулет обнаружил в закутке под лестницей несколько банкоматов. Он вложил карточку и набрал пин-код, но банкомат выдал сообщение, что карточка просрочена. К счастью, рядом оказалось отделение его банка.

Взяв номерок, Даулет сел и осмотрелся. Маленький квадрат комнаты был организован с максимальной пользой, как в парижских ресторанах, где люди чуть ли не соприкасаются руками во время трапезы. Поневоле он слышал разговор ближайшего менеджера с клиентами. Обращались в основном за кредитами. Пока очередь дошла до Даулета, менеджер, девушка с кукольными ресницами отказала в кредите троим, и лишь одной женщине, которая занимала пятьсот тысяч на свадьбу сына, кредит одобрили.

Даулет попал к другому менеджеру, который очень удивился, узнав, что у Даулета нет мобильного телефона.

– Вы просто распечатайте мне баланс, – попросил Даулет, – по двум депозитам, в тенге и долларах.

– Мы не распечатываем, сообщения приходят на телефон автоматически.

– А если у меня нет телефона, то как мне узнать состояние счета? – спросил Даулет.

– Вам надо купить телефон, – ответил менеджер.

Даулет возмущенно хмыкнул:

– Может, я не хочу покупать телефон! Есть другие варианты?

Менеджер призадумался, потом набрал номер на стационарном телефоне и долго разьяснял кому-то ситуацию. Положил трубку и посоветовал Даулету пройти в кассу.

– Зачем?

– Там сделают распечатку, и деньги снимете.

– Вы можете просто сказать или показать на мониторе мой баланс? – попросил Даулет.

Менеджер повернул экран в сторону Даулета и показал ему сначала сумму в тенге, потом в долларах.

Даулет провел в банке около часа, пока узнал свой баланс и снял деньги. От новой карточки он отказался, поскольку хотел поскорее покинуть банк, душную, забитую людьми каморку.

XIV

...В автобусе у Даулета разболелась голова, потом затошнило. Дед несколько раз просил остановить автобус, чтобы он мог выйти на воздух и прийти в себя. В город прибыли под утро, взяли такси до дома друга и ученика Жакена по прежней работе, Олжаса. Рабига, его жена, встретила гостей чаем из самовара и горячими баурсаками. Она заметила нездоровый вид Даулета, после завтрака измерила ему температуру и давление, дала лекарство и уложила спать.

– Как замечательно, когда в доме врач. Будь счастлива, дочка! – благословил ее Жакен.

Олжас служил теперь в областной адвокатуре. Узнав подробности дела, он посоветовал Жакену сразу обратиться в прокуратуру:

– Жакен-ага, сейчас бардак полный, всё руководство в областном управлении сменилось. Новые люди, новые порядки, непонятно, кто чем занимается. Вам лучше в прокуратуру сходить, там еще порядок более-менее сохранился.

– Правильно говоришь, так и сделаю, прямо к Сейдахмету и зайду. Он еще там?

– Пока на месте, и вес еще имеет. У него по утрам приемные часы, попробуйте к нему попасть.

– Как же я про него не подумал?! Он же у меня в суде работал, после института. Надеюсь, еще помнит меня, – сказал удовлетворенно Жакен.

– Конечно, помнит. Давайте я вас прямо сейчас и отвезу к нему, по дороге на работу, – предложил Олжас.

Жакена не сразу пропустили. Пришлось прикрикнуть и удостоверение ветерана войны показать, чтобы дойти до кабинета прокурора области. В приемной он занял очередь и сел. В этот момент из кабинета вышел сам Сейдахмет, чтобы проводить какого-то важного посетителя, и сразу заметил Жакена.

– Ассалам алейкум, Жаке! – поздоровался он, пожал руку Жакена и показал жестом, чтобы тот подождал. – Кто следующий, проходите.

Жакен зашел к прокурору уже ближе к обеду.

– Как дела, Сейдахмет? Как семья, дети, все ли живы-здоровы?

– Слава богу, Жаке, с близкими все в порядке, – сказал Сейдахмет, чуть помолчал и продолжил: – Смутные времена наступили...

– Слышал, в областном управлении руководство сменилось.

– Так и есть, Жаке. Вот и я уходить собираюсь. Если сам не уйду, чувствую, повесят на меня всех собак и выгонят с позором. Вот и объявил наверху, что через год место освобожу, чтоб не трогали меня. Мне скоро шестьдесят семь исполнится, можно и на покой.

– Хитрый ты, Сейдахмет, всегда приспособиться умеешь, – улыбнулся Жакен.

– Не хитрый, а разумный. Как ты сам, Жаке? Как внук?

– Из-за внука и пришел к тебе, – сказал срывающимся голосом Жакен. – Боюсь, с ним беда случится. Может, слышал, у нас в районе дело, связанное с наркотиками, расследуется. Теперь вот мальчика убили, Бекишева Каната.

– Да, слышал. А при чем тут Даулет? – удивился Сейдахмет.

– Насколько я понял, в нашем поселке перевалочная база наркотиков обосновалась. Не знаю, что у них случилось, то ли передрались между собой, то ли товар друг у друга воровали, но, в общем, сильно засветились. А как жареным запахло,

всех причастных или что-либо знающих убивать начали. Мальчишку соседского убили, а он с моим Даулетом в одном классе учился, – рассказал Жакен.

– Я смотрю, ты больше меня знаешь, хотя это дело у меня под личным контролем, – засмеялся Сейдахмет.

– Так следователь Шарипов – из прокуратуры? – обрадовался Жакен.

– Да, он звонил мне. Рассказал, что местные двух мальчишек несовершеннолетних подозревают, но мальчишки, по всей видимости, ни при чем. Прикрывают они кого-то, или сами замазаны.

Жакен вернулся домой после обеда в хорошем настроении и еще больше обрадовался, увидев Даулета здоровым и отдохнувшим.

XV

...Даулет вышел из ЦУМа, прошел квартал по прямой и свернул в переулок. В первом же доме нашел продуктовый магазин, где купил две бутылки пива. Вслед за ним из магазина вышел мужчина.

– Братка, не хочешь составить компанию? – спросил он Даулета, осторожно раскрывая пиджак и показывая чекушку в нагрудном кармане. – Я здесь рядом живу.

Даулет огляделся вокруг и утвердительно кивнул.

– Меня Ерланом зовут, – представился мужчина. – А тебя?

– Даулет.

– О-о, как брата моего! Тогда, может, скинешься еще на чекушку? – щербато улыбнулся Ерлан.

– Еще же двенадцати нет, – удивился Даулет.

– У меня все схвачено! Продавщица знакомая, – подмигнул Ерлан.

Даулет вытащил из портмоне купюру в пятьсот тенге и протянул Ерлану. Тот выхватил ее и суетливо двинулся обратно к магазину.

По дороге обернулся:

– Подожди меня, братка, щас, – и нырнул в магазин.

Квартира Ерлана находилась на третьем этаже и сильно напомнила Даулету его собственную. Пошарпанная дверь, выцветшие, с пятнами обои, вьевшийся запах перегара. Ерлан пригласил его на кухню. Даулет придвинул к себе табурет, но он развалился у него в руках, одна ножка с грохотом откатилась под стол.

– Ёш твою медь! – выругался Ерлан. – Барахло долбаное! Брось его, потом почино. Садись сюда, – указал он на лавку у стены.

– Кажется, мне надо идти... – Даулет сложил остатки табурета в угол и посмотрел на часы.

Потом протянул Ерлану пакет с пивом.

Тот поспешно схватил пакет и, словно оправдываясь, спросил:

– Даулет, братка, ты чё, обиделся?

– Не, правда, ждут меня, – ответил Даулет и поспешил к выходу.

– Ну, если без обид, тогда ладно, братка, – успокоился Ерлан. – Ак жол!

Даулет поспешно сбежал вниз по лестнице, вернулся в магазин и купил литровую бутылку воды. Прогулялся обратно к ЦУМу, обошел его с торца и наткнулся на бар, где с удовольствием выпил пару кружек местного пива. Когда подошло время встречаться с Аскарком, город перестал казаться ему таким уж мрачным.

– Смотрю, повеселел, – отметил Аскар.

– Похорошело от местного пива, – подтвердил Даулет.

– Чё, правда?! Я давно местного пива не пил, – удивился Аскар. – Я всё больше виски да коньяк. Только на отдыхе в Турции дармовое пиво пью, неплохое, кстати.

– Ну конечно, ты же теперь местная элита, депутат! – шутливо поддел его Даулет. – Кстати, ты был прав, здесь все по-другому, – сделал серьезное лицо Даулет. – Караганда отрезвляет...

– Вот коза! Нашла где дорогу переходить, да еще и с ребенком! – возмутился Аскар, со скрежетом притормаживая у перекрестка. – Откуда такие дуры берутся?!

Аскар опустил стекло, чтобы возмутиться, но, увидев испуганное лицо женщины, посмотрел на нее с презрением и закрыл окно.

– Я тут в банке был, – поделился наблюдением Даулет. – Полный аншлаг. Все кредиты оформляют.

– А ты типа не знал? – спросил Аскар. – Сейчас все в кредит живут. Нищета.

– Не знал... Говорю же, Караганда отрезвляет. Меня не кредиты удивляют, а проценты банка. Я сидел и удивлялся тому, как люди в кабалу добровольно лезут.

– Некоторые даже на откаты согласны, чтобы в такую кабалу влезть, – сказал Аскар, поворачивая во двор кирпичного ЖК. – Чисто чтобы наличка в кармане была, – зло усмехнулся он.

Здесь не было подземной парковки, и они, въехав через охраняемый шлагбаум, припарковались во дворе.

Аскар долго давил на кнопку дверного звонка, потом позвонил по телефону, и только после этого защелкали замки, открылась дверь, и в проеме появилась заспанная девица в коротенькой майке и трусах.

– Аскар! – она бросилась к нему и повисла на шее.

– Назик, иди оденься, видишь, я не один, – сказал недовольно Аскар, ставя девушку на пол.

– А кто это? – спросила девушка, внимательно рассматривая Даулета.

– Друг мой. Давай иди одевайся, потом расскажу, – подтолкнул ее в комнату Аскар.

– Это что, любовница твоя? – спросил Даулет.

– Жена.

– Да ладно?! – удивился Даулет.

– Дочь моего партнера.

– Ну ты даешь!

Если угощение у первой жены Аскара представляло собой домашнюю кухню, то вторая выставила разнообразие из местной кулинарии: нарезку разного вида мяса, сало, несколько видов салата. Спиртные напитки из бара-холодильника сплошь импортные: виски, бренди, вино, мартини, водка. Назик угощала их коктейлями собственного приготовления, разбавляя спиртное содовой, соками и фруктами.

После нескольких коктейлей Даулета потянуло на сон. Но гостеприимные хозяева продолжали подливать ему.

– Нам же еще на ферму ехать... – напоминал время от времени заплетающимся языком Даулет.

– Успеем, Даука, – отвечал Аскар, принимаясь за очередной коктейль.

Выкурив на кухне косяк, друзья решили ехать на ферму завтра. Легли спать под утро. Уплывая в сон, Даулет заметил на потолке хвостатую тень. Он, как в детстве, зажмурил от страха глаза и незаметно провалился в темноту.

XVI

...В комнате пахло кумысом и деревом. Терпкий запах дерева исходил от емкости для кумыса – сабы. Когда Даука сильно скучал по маме, то обнимал высокий сосуд, закрывал глаза и представлял, как она входит в комнату и ласково спрашивает:

– Кто обидел моего жеребеночка?

В детстве Даулет частенько прятался между сабой и бабушкиным сундуком. Там он играл в солдатики и хранил асыки в красном мешочке из плотного льна. А когда обижался на кого-то, то обнимал сабу и притворно плакал.

Теперь, когда родителей не стало, он редко заходил в эту комнату. Только когда знал, что дед отлучается надолго, заходил и сидел, обняв сабу, и иногда плакал, вспоминая родителей, как в этот день.

Воспоминания Даулета прервал свист с улицы. Аскар, наверное. Даулет поднялся с пола, вытер слезы и выскочил из дома. За забором стояли Аскар и его мама, тетя Хадиша. Увидев друга, Аскар разулыбался во весь рот и замахал руками.

– Даулет, пойдем к нам обедать, я специально для тебя манты приготовила с мясом и картошкой, как ты любишь, – сказала тетя Хадиша.

– Спасибо, тетя Хадиша! Мне дедушку надо дождаться, с ним и пообедаем, – ответил Даулет.

– Твой дедушка и попросил тебя обедом накормить. Он только к вечеру вернется. Пойдем сынок, пойдем.

После обеда друзья пошли домой к Даулету. Аскар прихватил с собой игровую приставку, так что они провели весь оставшийся день за игрой, пока не вернулся дед.

Дед вернулся поздно вечером и не один. С ним приехал его друг Хасен-ата и румяная Жазира-апа, которая сразу начала хлопотать по дому. Оказалось, они ездили ее сватать.

Вскоре пришли родители Аскара и другие соседи. Все они несли гостинцы, женщины наскоро накрыли на круглый низкий стол, разложили одеяла-корпе, разбросали подушки вокруг стола. Когда все расселись, дедушка взял в руки домбру. И заструился кюй, сначала воздушно и тихо, и, постепенно нарастая, наполнил комнату топотом скачущих табунов, тоской степняка по дальним странам, по вольному ветру.

– Бәрекедді! Браво! – восклицал Хасен, восхищаясь игрой друга, и, смахивая слезу, поглаживал бороду.

В ловком переборе струн Даулет углядел что-то новое – раньше он никогда не замечал у деда такой прыти, и невольно усмехнулся. Дед заметил эту усмешку и, будто извиняясь, склонил голову к струнам, а закончив играть, отложил домбру в сторону.

– Вот самый важный человек сидит рядом со мной, мой внук Даулет. Познакомься, Жазираш, вот мой наследник, – сказал дед срывающимся голосом.

– Больше года прошло, скорби тоже время отводится, надо продолжать жить, – сказал дед Аскара, высокий, худой, безбородый Толен.

– А я про что говорю!?! – воскликнул Иван. – Угощайтесь, гости дорогие, сегодня у моего друга Жакена праздник. По этому случаю следует выпить. Кому кумыса, кому вина, а кому и водки, – вступил он в роль тамады.

Это был первый вечер после смерти родителей, когда дом снова наполнился смехом и шутками. Словно Жазира-апа принесла вместе с собой атмосферу радушия и уюта. Даулет с Аскарком обычно долго не задерживались в компании со взрослыми. Но в этот раз не хотели вставать из-за стола. Смеялись над наивными шутками стариков и корчили друг другу рожицы. Тетя Хадиша даже сбегала домой за скрипкой, и Аскар впервые сыграл перед соседями. Обычно он выступал в школе, на концертах.

Аскар не раз признавался, что ходит в музыкальную школу лишь ради мамы. Даулет тоже не придавал значения его занятиям музыкой. Но в этот вечер, слушая игру друга, он увидел Аскара с другой, неизвестной ему стороны. Тот, войдя в раж, играл одну композицию за другой, срывая бурные овации. Время от времени Жакен подыгрывал ему на домбре, а Иван – на баяне, подхватывая настроение. Глаза тети Хадиши светились гордостью за сына.

Даулет не раз замечал в Аскаре нарочитую грубость, словно он стеснялся проявлять свои чувства. Но в тот вечер Аскар раскрылся, и тут же выявилось его внешнее сходство с тетей Хадишой: мягкий с поволокой взгляд, тонкие черты лица, чувствительные пальцы. Даулет видел перед собой другого человека.

Бенефис Аскара прервал его внезапно появившийся отец. Он пришёл позже остальных.

– Ладно, хватит, не мужское это дело – на скрипке пикивать.

Аскар побледнел, опустил глаза, словно его застали за неблагоприятным поступком, передал скрипку матери и вышел из комнаты. Хадиша стрельнула в сторону мужа возмущенным взглядом.

– А теперь частушки! – прервал неловкое молчание Иван, беря в руки баян.

Даулет вышел из дома вслед за Аскарком, но не застал его во дворе. После Даулет неоднократно пытался заговорить с другом про тот вечер и его игру на скрипке, но каждый раз натыкался на барьер. Однажды рассказал про его великолепную игру на скрипке при девчонках, но Аскар грубо прервал его:

– Это все блажь, детское увлечение!

Жазира-апа оказалась простодушной и веселой. Вкусно готовила и никогда не сердилась. Иногда она уезжала на несколько дней навестить детей и внуков, и в доме снова поселялся холод, дед с внуком отводили друг от друга глаза и молчали за столом. Но стоило Жазире-апа войти в дом, как всё снова оживало.

XVII

...Даулет проснулся от сильного удара в плечо, открыл глаза и долго не мог понять, где находится. Он лежал на полу кузова движущегося автомобиля. Нащупав рюкзак, он достал из него бутылку воды, которую купил возле ЦУМа. Он с жадностью пил, а когда машина подскочила на очередной кочке, скатился к двери кузова. Вода из бутылки залила его по пояс, но выпитое успело приглушить подступавшую тошноту. Машину еще раз тряхнуло, и она остановилась.

Услышав звук открывающейся двери, потом голос, Даулет начал стучать по двери кузова. Хлопнула дверь автомобиля, голос умолк. Даулет забарабанил сильнее и крикнул:

– Кто там снаружи? Откройте!

Тишина. Даулет стал прислушиваться. Едва слышный шорох проносящихся на скорости машин – трасса, скорее всего... И... запах полыни. Тут он вспомнил, зачем приехал к Аскару. Остальное – туманные обрывки из картинок прошедшего дня, переходящие в полную темноту. Даулет лег поудобнее, подложив под голову рюкзак, вытянул ноги и только тогда ощутил холод от сырой рубашки. Он снял пуховик, потом рубашку, достал из рюкзака чистую майку и переделся. Сверху надел флисовую куртку, а пуховик сложил под голову. Несмотря на странность ситуации, Даулет задремал.

Сквозь сон он услышал, как отпирают дверь кузова. Открыл глаза, щурясь от яркого солнца, и увидел перед собой силуэт маленького мужика с большой головой. Мужик выглядел еще смешнее от того, что смотрел на Даулета широко раскрытыми глазами. В лучах солнца голова его казалась больше тела, глаза – больше головы, а зрачки словно вылезали из орбит. Даулет закрыл глаза, повертел головой и снова открыл их.

– Ты кто? – спросил он.

– Кто, кто, дед Пихто! Твой бог и судья в одном лице! Вылезай! – пробасил мужик.

– Бог и судья? Вот повезло-то! – сказал Даулет, вылезая из кузова новенького грузовика.

– Иди за мной, – сказал мужик, и Даулет последовал за ним.

У кабинки грузовика стоял парень в стеганой куртке и голубых джинсах. Он курил, отвернувшись и всем своим видом показывая, что не имеет отношения к происходящему. Внешний вид парня никак не вязался с грузовиком. В стороне стоял старенький джип, к нему они и направлялись.

– Как тебя зовут? – спросил Даулет, следуя за мужиком.

Мужчина остановился и с удивлением посмотрел на него снизу вверх.

– Не тебя, а вас. Казбек, – ответил он, чуть погодя.

Услышав звук двигателя, Даулет обернулся и увидел, как грузовик двинулся по проселочной дороге к трассе.

– А этот кто, на грузовике? – спросил Даулет.

– Много вопросов задаешь, – заметил Казбек, семена впереди кривыми ногами, обутыми в заношенные туфли с заостренными носками, и кутаясь в огромную – широкую в плечах и длинную дубленку. Вся одежда на нем выглядела как с чужого плеча, только красная феска с кисточкой ладно сидела на большой голове.

– Феска, видно, настоящая, турецкая? – предположил Даулет.

– Что за феска-шмеска? – ответил вопросом на вопрос Казбек. – Садись в машину, на ферму поедем.

Даулет облегченно выдохнул. Надо же было так напиться – ничего не помнит! Скорее всего, Аскар говорил ему про этого мужика. Вид Казбека и вся ситуация казалась ему забавным приключением, над которым они еще посмеются.

Казбек включил радио, оно зашипело и взвизгнуло. Он нажал на кнопку «диск», салон наполнился звуком восточных литавр.

– Узбекские литавры? – спросил Даулет.

– Узбекские? Нет ничего узбекского, это татарский инструмент, – ответил уверенно Казбек. – Так же, как нет ничего казахского, – продолжил он.

– А домбра?

– Тоже татарский инструмент, думбыра.
 – Так вы татарин, – сделал вывод Даулет.
 – Кто его знает? Может, татарин, а может, монгол. У меня древние корни, тогда еще казахов и в помине не было.
 – Ясно, татаро-монгол, – сказал Даулет. – А земля, по которой мы едем, тоже не казахская? – ехидно спросил он.
 – Нет, конечно, давно уже продана – частная земля. Сейчас всё бабки решают. Казах ты или кто еще – никого не интересует, – угрюмо ответил Казбек.
 Даулет было разозлился, но подумал, что не стоит связываться с дегенератом. Вот прибудет на место и позвонит Аскару. Он отвернулся от Казбека и прикрыл глаза.

XVIII

...Даулет, как обычно, сделал уроки и присоединился к деду, который смотрел новости. На экране женщина сокрушалась о том, что сносят старинный дом, в котором жил когда-то купец, ее прадедушка.

– Ага, почему она переживает за старый дом, ведь построят новый, высокий – новое ведь всегда лучше. А дедушку она ведь может на кладбище навестить...

– Ты вот на дом Ивана с Тасей посмотри и на Ережеповский. В чем разница?

– У деда Ивана дом высокий, красивый. А у дяди Ережепа...

В это время с грохотом открылась входная дверь, и в дом ввалился сам Ережеп, скотник. Он был озабочен.

– Ассалам алейкум! У меня бык пропал, не видели, Жаке? – обратился он с порога к деду.

Дед усмехнулся.

– Вот видишь, сынок, для Ережепа пропавший бык – конец света, а то, что его землянка покосилась, ему и дела нет. Вот тебе и разница.

– Уууу! – махнул рукой Ережеп. – Жаке, что вы с этой землянкой заладили, летом привезу самосвал кирпичей, снесу старье и заново дом поставлю. А сейчас надо быка найти!

– Я смотрю, вы близнецы-братья с моим внуком. Иди, Даулет, вместе поищите, садись на жеребца.

Даулет надел полушубок, валенки, тымак и вышел вслед за скотником из дома. Во дворе Ережепа поджидал Вороной, самый красивый в поселке құнан – жеребец-двухлетка. Даулет подошел к коню, руки невольно потянулись к холке. Вороной откликнулся на ласку, опустил голову и ласково потерся о его плечо.

– Пах-пах-пах! Смотри, как тянется, чувствует животное, кто его любит. Иди, скорей своего жеребца седлай, надо ехать, скоро стемнеет.

В это время, открыв калитку, во двор вошел Аскар.

– Ассалам алейкум, Ережеп-ага! – поздоровался он, в полупоклоне пожимая руку Ережепа.

– Здравствуй, Аскар! Ты не видел моего быка? А то уже весь поселок объездил, вот собрались с Даулетом к ферме.

– Так это ваш, что ли, бык? Вон сейчас дед загнал его во двор.

– Да ты что? Черный, с одним обломанным рогом? Чего молчишь? – обрадовался Ережеп, забираясь на Вороного.

– А сүйінші не дадите мне за хорошую новость? – подмигнул Даулету Аскар.

– Подожди, сейчас гляну. Если мой бык, точно отблагодарю! – сказал Ережеп, торопливо выезжая за ворота.

– Вот умора! – усмехнулся Аскар. – Лучше бы забор починил, а то бродит его бык по селу, – сказал он.

– Так это ты его к себе загнал? – рассмеялся Даулет. – Ну ты даешь! А он сильно расстроился.

Даулет изобразил расстроенного Ережепа, скорчив лицо, сузив глаза и двумя пальцами показывая его усы.

– Я же шутки ради! Хотя дед меня отругал за такую шутку... Сильно бледный, говоришь, был Ережеп? – рассмеялся Аскар, и они долго хохотали над тем, как Даулет изображал расстроенного Ережепа, особенно его обвисшие усы.

– Что, уже нашли? Так быстро? – спросил дед, когда Даулет вошел в дом.

– Нашли во дворе у соседей, – рассмеялся Даулет. – Бык бродил по селу, Аскар его к себе в сарай и загнал.

– Барымтач, смотрю, твой Аскар... Были у них в роду барымтачи.

– Это кто такие?

– Конокрады, профессиональные. Главное ведь не угнать, хотя и в этом навык нужен. Главное – спрятать скотину и следы замести. Как твой Аскар. Поселок как на ладони, а он быка от Ережепа спрятал, – хитро улыбаясь, удивленно качал головой дед. – Гены-то никуда не спрячешь, смотри, в отцовскую породу пошел твой друг.

– Нет, Аскар не такой. Ата, он же в шутку, – оправдывал своего друга Даулет.

Дед умел заметить в человеке главную черту. Даулет удивлялся и тому, как дед делал прогнозы. Был в казахском ауле мальчик по имени Берик, в детстве часто приходил играть с Даулетом и Аскаром. Берик любил командовать, во время игр распределял роли, судил и делил добычу, но сам никогда в играх не участвовал. Чаще всего сидел на заборе со свистком.

– Прапорщиком будет, – сказал как-то дед.

И действительно, Берик получил звание прапорщика в милиции в двадцать пять лет, но с тех пор так дальше и не продвинулся.

XIX

...Несмотря на колдобины и шум мотора, Даулету удалось подремать. Он видел и слышал все, что происходило вокруг. Слышал, как Казбек переставил диск, и литавры сменились воровским шансоном. Заметил, как мелкосопочник сменился на степной ландшафт. При этом ему снился мазар, в котором они прятались с Аскаром во время бури, давно, еще в детстве. Они снова сидели там, но не прятались, а играли в карты. Играли по очереди, с кем-то третьим, лица которого он никак не мог разглядеть. На кону был тумар Даулета, поэтому хотелось, чтобы выиграл Аскар. Время от времени, просыпаясь, Даулет клал руку на грудь – проверял, на месте ли тумар, и, нащупав его, снова уплывал в сон. Наконец выиграл Аскар, но вместо того чтобы отдать талисман Даулету, он протянул его незнакомцу. Тот схватил его и тут же исчез.

– Приехали. Выходи! – сказал командным голосом Казбек.

– Слушаюсь! – подыграл ему Даулет, выходя из машины и разминая затекшие ноги.

– Вон в том бараке жить будешь. Там должна быть свободная кровать, ну и матрац тоже, если не разворовали бичи проклятые, – указал Казбек на дом.

Даулет взял свой рюкзак, пуховик и пошел в сторону продолговатого саманного домика. Дверь была открыта, в проеме висела засаленная сетка. Он откинул сетку и вошел. В нос ударил запах сырости, смешанный с потом и махоркой. Весь интерьер комнаты составляли два ряда железных кроватей, встроенный шкаф, стол с лавкой и печка у входа. Он кинул вещи на пустую панцирную кровать и вышел. Казбек открывал ключом замок второго домика.

– Ну что, нашел матрац?

– Нет, не смотрел еще. Мне позвонить надо, дайте мне телефон.

– Какой телефон? Здесь не ловит, – ответил Казбек.

– Так я не понял, что мне здесь делать надо.

– За лошадьми ухаживать, ну и за бичами в мое отсутствие присматривать, а ты что, не знал?

– За какими бичами?

– Вечером вернутся с пастбища, увидишь. Давай, помоги мне.

Казбек открыл дверь дома и направился к машине.

– Вот, тащи эти мешки в дом.

В багажнике лежали три мешка с макаронами, два мешка с картошкой и мешок с луком.

Даулет перетащил мешки в дом, присел на корточки и сказал:

– Казбек, кажется, произошло недоразумение, мне надо как-то вернуться и поговорить со своим другом, Аскарком.

– Возвращайся, – ответил Казбек с издевкой.

– Да? А когда вы обратно поедете? – спросил Даулет.

– Неизвестно еще, надо загон утеплить, на следующей неделе дождь обещают, а потом и до снегов недолго, октябрь месяц на дворе.

– А как мне можно уехать?

– Никак. Здесь такси-макси нету, – ответил Казбек.

– А пешком за сколько можно до ближайшего поселка дойти?

– Слушай, ты дурак или притворяешься? – взорвался вдруг Казбек.

– Не понял, – поднялся с корточек Даулет и подошел к нему.

Казбек был ему по грудь. Испугавшись воинственного напора Даулета, он ретировался в сторону дома.

– Тебя мне мент один продал за пару баранов, чтоб ты у меня за бичами присматривал.

– Как продал? Ты в своем уме? – удивился Даулет.

– Слушай, ты мне права тут не качай. Мент сказал, что ты – бич пропащий, без документов. Предупредил, что умника из себя корчить будешь.

Казбек на всякий случай попятился к порогу дома, но увидев, что Даулет не собирается его преследовать, остался на месте.

– У меня есть документы, удостоверение и военный билет, даже загранпаспорт. Хочешь, покажу, – ответил спокойно Даулет и пошел к бараку.

– Покажи! – крикнул ему вслед Казбек.

В голове вспышкой пронеслась сцена из недавнего сна, и Даулет нащупал на груди тумар. Когда вошел в барак, вытащил его из-под футболки и осмотрел. Талисман был цел и невредим. Даже бумажка с сурами хранилась в кожаном треугольнике нетронутой. Он направился к своему рюкзаку и не нашел его – на железном панцире лежал лишь пуховик. Даулет огляделся и заметил едва заметное движение на кровати у окна. Он подбежал к кровати и сдернул одеяло. Под ватным одеялом, в позе эмбриона, обхватив голову руками, лежал парень, а рядом с ним – рюкзак.

Даулет взял в руки рюкзак и спросил:

– Ты кто?

– А ты кто? – ответил парень, убирая руки с головы. – Я ничего оттуда не брал, просто посмотрел, – протараторил он.

Даулет вытащил из рюкзака вещи, открыл молнию бокового кармана, нащупал там конверт и портмоне.

– погоди, – машинально ответил он парню и открыл портмоне.

Деньги на месте, а удостоверения не было.

Даулет начал перетряхивать все вещи, хотя уже понял, что документа не найдет.

– Удостоверение потерял? – участливо спросил парень, а потом протянул руку.

– Меня Димой зовут, у меня тоже документы забрали, менты вонючие! Полгода здесь ишачу, на этого Казбека, гандона ментовского.

XX

...Даулет сидел на сопке. Отсюда было видно всю отару, как бы далеко она ни разбредалась. Это дед научил его в детстве выбирать такие места. Каждое лето они вместе несколько раз пасли отару вместо старика Хасена из казахского аула.

Несмотря на свой преклонный возраст, Хасен держал в сарае с десяток баранов и пару кобылиц. Жил он в большом доме вдвоем со старухой Каракат. Девять дочерей, которых они воспитали и вырастили, одна за другой вышли замуж и разъехались, навещали их только летом или по особым случаям. Иногда старики сами уезжали навестить дочерей и внуков. Тогда Хасен поручал свой «кезек» другу Жакену.

Казахским аулом в поселке называли несколько улиц на окраине, где в семьях держали скот, несмотря на то что здесь жили люди разных национальностей: казахи, немцы, татары, русские, греки, ингуши, поляки, украинцы, белорусы. Поскольку каждая семья держала баранов, казахский аул организовал кезек – очередность, по которой каждая семья пасла отару.

– На склоне даже маленькой сопки больше травы, что с западной, что с восточной стороны, – говорил дед. – Утром гони отару на западный склон, где тень, а после обеда – на восточный. Трава там полностью не выгорает из-за тени.

Теперь Даулет понимал, что осенью и зимой надо делать наоборот, кружить вокруг сопки вслед за солнцем. Он заметил, что бараны сами это знают, тянутся к теплу и траве, торчащей из-под оттаявшего снега.

Даулет смотрел на линию горизонта, вспоминал песни своего детства и юности. Брал ручку и строчку за строчкой записывал слова. Иногда за целый день не мог вспомнить ни слова. Это стало его ежедневным ритуалом, все зависело от настроения.

В приподнятом настроении вспоминал как-то слова песни «Взвейтесь кострами». Хотя в пионеры он не успел вступить, но зато побывал в пионерском лагере. Целый день мучился, пока все куплеты не записал, один за другим, удивляясь противоречивости и загадочности содержания. Почему пионеры дети рабочих? Разве детей других профессий не брали в пионеры? И что за эра светлых годов, к которой готовились пионеры? Вероятно, коммунизм, который так и не наступил.

На следующий день вспоминал, как звали близнецов Гейзер, которые пели в лагере матерные частушки. Вильмар и Вальдемар? Вильгельм и Вальдемар? Он помнил наизусть некоторые из их частушек, но не мог вспомнить полные имена братьев, все звали их Вилик и Валик. В тот день Даулет целый день дурачился и пел своим баранам частушки. И только через день утром его озарило: Вильгельм и Вальтер. Строчки возвращали его к событиям прошлого, к людям.

Иногда Даулету казалось, что он был довольно мудрым для своего возраста. На каникулах после седьмого класса, когда утихли страсти по громкому делу о наркотрафике, они с Аскарком достали пакет с наркотиками и выехали на велосипедах за поселок. Там всё содержимое сумки разделили на две части: пересыпали в два пакета таджичку, разделили в две кучки пакетики с героином. Настоял на этом Аскар, поскольку Даулет предлагал все сжечь. Даулет действительно сжег свою часть, Аскар же отвез наркотики в Караганду и продал там через своего двоюродного брата. Вернулся на новеньком сверкающем мотоцикле «ВОСХОД 3М», в белых фирменных кроссовках. Даулет ему по-настоящему завидовал, даже иногда жалел, что сжег наркотики, но виду не подавал.

– Мог бы тоже на байке рассекать, – дразнил его Аскар.

Все сомнения Даулета рассеялись, когда дед купил ему на день рождения подержанный «Минск». Теперь они вдвоем гоняли на мотоциклах.

Когда надоедали песни, Даулет вспоминал шахматные партии и, расчертив в тетрадке доску, разыгрывал их – шахматными фигурами служили камушки. Так и сменялись его дни – «песенные» и «шахматные». Вспоминая песни, Даулет мог подолгу оставаться на одном месте. Решая шахматные задачи, любил бродить, искать вместе с баранами «хлебные» места. Попадая в поток отары, брел вместе с ней. Как правило, решение приходило в то время, как животные находили траву. Каждую задачу Даулет связывал с патовой ситуацией из своей жизни, это помогало ему разыграть шахматную партию. Однажды долго плакал, вспомнив, как в детстве с утра запер кота Мырзу в духовку, а вечером почувствовал запах гари, шерсти и мяса.

С каждым разом Даулет усложнял шахматные партии, но никак не мог подступиться к самой запутанной – его отношениям с Аскарком.

* * *

...В тот день всё разладилось с самого утра. Казбек не появлялся около двух недель. На ферме закончились продукты. Степаныч приготовил лепешки из муки с водой и солью, но поскольку масла не было, они с Даулетом соорудили что-то вроде тандыра. Лепешки получились на удивление вкусными, и мужчины с удовольствием съели по одной, затем попили чаю. А когда вышли покурить, в дом незаметно забрался пес Казбека и стащил больше половины лепешек. Дима с Нуржаном запинали его чуть не насмерть.

- Сам жадный, и пес такой же, – возмущался Нуржан.
- Надо из него шашлык сделать, – предложил Дима.
- Так и придется сделать, если Казбек на днях не появится, – согласился Степаныч.

О том, чтобы зарезать барана, даже речи не заходило. Все помнили пример Нуржана. За такую провинность Казбек сжег его удостоверение и военный билет на глазах у всех и торжественно провозгласил:

- Теперь ты никто.

Нуржан работал у Казбека за долги. Он был хроническим игроманом. Продав Казбеку добротный родительский дом за бесценок, чтобы отыгаться, а потом и сестру-вдову с двумя детьми в придачу, всё равно после смерти мужа ей некуда было деться. Казбек теперь жил в его доме, женился на его сестре Жибек, но, судя по распискам, Нуржан всё еще был его должником.

Оставшиеся четыре лепешки поделили между собой. Даулет взял свою и повел отару в степь. В тот день он решил разыграть игру Фишер – Спасский 1972 года. Когда-то Даулет знал ее наизусть, но часто путался в эндшпиле 21-й партии. Он без труда вспомнил первую партию и разыграл защиту Нимцовича. Дальше дело не пошло: отара всё время разбредалась, козел-вожак никак не хотел её вести. Даулету пришлось немного побегать, чтобы собрать и направить отару на север, пойти вдоль гряды сопок. К обеду небо затянуло тучами, а потом заморосил дождь. Даулет съел свою лепешку и влился в поток отары. Брел за баранами, проговаривая и фиксируя каждый ход, партию за партией. Ближе к ночи он дошел до двадцать первой, но запутался сразу после дебюта Алехина, который разыграл Фишер. Решил разыграть эндшпиль на следующий день и понял, что заблудился. Он огляделся вокруг. Вдалеке виднелись скалистые холмы, значит, он ушел в обратную сторону, на юг.

Даулет хлопал ботинками по скользкой жиже и злился. Злился на себя и на весь мир, оттого что не может решить главную задачу. А решить он ее не мог, потому что боялся к ней подступиться. Не хотел вспоминать, как Шарипов дал ему прочитать признательный протокол Аскара. Даулет узнал его почерк, а по аккуратному наклону понял, что Аскар писал под диктовку. В протоколе он описывал, как Даулет убивал Каната, а сам Аскар стоял на шухере...

Дед посоветовал Даулету не обижаться на друга:

- Не злись на него. Не всегда надо верить своим глазам, иногда стоит доверять сердцу.

Значит, Аскара заставили написать на него, возможно, били и издевались. Он поклялся не вспоминать об этом, не подавать виду, что вообще знает об этом протоколе. Ведь и он кое-что скрывал от Аскара. Да и дед просил не рассказывать.

– Ни к чему это. Никому не надо знать, что ты просто так просидел месяц в камере. Если что, то тебя бесконечно допрашивали, расспрашивали про ночь, когда убили Каната. Добивались признательных показаний.

Он просидел в СИЗО, в одиночной камере целый месяц. Пока проводилась операция по выявлению ОПГ в деле о наркотрафике. Пока нашли настоящего убийцу Каны. По утрам взгляд Даулета упирался в бетонный потолок с металлической балкой. Ему потом долго снился этот потолок, кишасший непонятными существами. Иногда, в дни запоев, он боялся открыть глаза и увидеть бетонный потолок с хвостатой тварью на перекрыладине.

Долгий, промозглый февраль. Месяц неопределенности и надежды. Самый коварный месяц в степи. Страшный джут может настичь незадолго до наступления весны. Стоит снегу подтаять раньше времени, может нагрянуть мороз, накрыть землю льдом. Лишить скот возможности к передвижению и доступа к пропитанию. Ранняя весна может привести к разрушительным паводкам и подтоплениям. Постепенный, ровный переход к теплу в феврале происходит редко. Февраль, словно предчувствующий смерть тиран, любит показать наполегливый следок свой кровожадный нрав.

Предположим, дед прав. Тут счет равный, они с Аскарком обманули друг друга.

XXI

Даулет загнал отару под небольшой каменный отвес. Сначала животные громко блеяли и толкались, но чуть погода разлеглась и прижались друг к другу. Даулет хотел присоединиться к ним, но понял, что не поместится. Он пошел искать другое место, откуда будет видно отару и где можно будет развести костер. Он пару раз обошел холм, посветил фонариком и увидел поблизости мазар. Даулет обрадовался: когда-то они с Аскарком спаслись в таком мазаре от бурана. Конечно, очень боялись, но выбора не было: замерзнуть или переночевать на могиле. В ту ночь Даулет в полудреме видел свой первый аян-знак. Аруах из могилы, старик с белой бородой, пришел на рассвете и разбудил его. Наказал ему просыпаться и сразу же двигаться прямо на восток, как можно быстрее. Даулет еле-еле растолкал Аскара и заставил следовать за собой. Они спаслись и даже корову Сагынтая нашли, живую и невредимую.

Когда Даулет рассказал этот случай деду, тот не удивился:

– Не надо бояться могил, это пристанище аруахов. Аруахи – наши помощники. Живые люди гораздо опаснее.

Даулет собрал в кучу сорняк, стебли полыни и ветки с кустарников, устроился с подветренной стороны мазара и развел костер. С этого места он хорошо видел отару. Хотелось есть. Даулет достал из кармана сверток с куртом, развернул и достал один кусочек, остальное положил обратно. За несколько месяцев в степи Даулет привык справляться с голодом. Надо постараться отвлечься, а если не получается, пососать кусочек курта и запить водой. За свою жизнь Даулет встречал много таких, кто голодал намеренно. Женщины на всевозможных диетах, практикующие йоги, люди, голодающие для здоровья. К этой же группе он относил постящихся. Даулет заметил во время срочных проектов на работе, что голод обостряет ум. Если не прерываться на обед, можно сделать гораздо больше. Стоило только пообедать, как организм настойчиво требовал сна или развлечений.

Даулет проснулся на рассвете от холода. Дождь за ночь перешел в снег, и единственным пятном на белом пространстве выделялась отара. Даулет обошел мазар, но не нашел таблички. Могила не старая, но почему расположена так далеко от населенного пункта? Может, рядом поселок? Даулет прошелся по округе и заметил дорогу. Неужели он ушел так далеко? Скорее всего, это село, откуда Нуржан, Дима и Степаныч.

Степанычу было около шестидесяти, но выглядел он на все восемьдесят. Нуржан рассказывал, что Степаныч – классический бомж. Он долгое время работал

вахтами на урановом руднике. Приезжая, останавливался в родительском доме, где когда-то жили его родные брат с сестрой. Сестра вышла замуж и уехала в Караганду. Брат вернулся из армии, нигде не работал, время от времени уходил в запой. Как только Степаныч возвращался, брат спаивал его и забирал все деньги. Потом брат и вовсе продал дом и уехал в неизвестном направлении. Говорили, что он уехал в Москву, обзавёлся семьей и неплохо там обосновался. Так и остался Степаныч без дома, а другого не приобрел, хотя зарабатывал хорошо. В основном находился на руднике, а во время коротких приездов в родное село останавливался у разных людей, в основном пьющих, пропивал заработанные деньги и возвращался обратно на вахту. С тех пор как закрыли рудник, подрабывал скотником и кочевал с фермы на ферму. Пока однажды не загремел в тюрьму по обвинению в грабеже. Отсидел два года, сам не понимая за что, и вернулся домой. Потом долго бомжевал. Тогда и взял его Казбек к себе на ферму, работать за пропитание.

До приезда Даулета Казбек поручал Степанычу пасти баранов. Сохранить отару в степи – самое сложное, особенно зимой. С лошадьми на выпасе было проще – они кормились в основном сеном. Но следить и ухаживать за лошадьми более хлопотно, этим занимались двое – Нуржан и Дима. Во время окота и стрижки овец людей нанимали дополнительно. Хозяйством же занимался сам Казбек.

Даулет хорошо помнил свою первую встречу со Степанычем. В барак вошел изможденный старик в засаленной телогрейке и выдавших виды кирзовых сапогах. Он молча прошел к своей кровати, сбросил телогрейку и начал снимать сапоги. С трудом наклоняясь, вытянул из сапог сначала одну, потом другую ногу, обернутые в грязные длинные тряпки. Скинув портянки, осмотрел кровоподтёки на пальцах и лег на кровать.

– Степаныч, чё пришел? Будешь курить? – в комнату ворвался Димон и направился к старику.

Степаныч приподнялся, посмотрел повеселевшим взглядом на Димона, а потом воровато глянул на Даулета и опустил глаза.

– Буду, есть табак? – тихо спросил он.

– Вот, познакомься, Степаныч. Это Даулет, он теперь нашим начальником будет.

Дед с интересом посмотрел на Даулета и кивнул.

– У вас тут аптечка есть? Надо бы раны на ногах обработать, перекисью, – сказал Даулет, взглядом указывая на раны деда.

Степаныч опустил ноги на пол.

– Какая аптечка? Это что тебе, больничка? – хохотнул Димон.

– Ничего, пройдет, – сказал Степаныч, с удовольствием затягиваясь самокруткой.

На следующий день Даулет уговорил Казбека поставить его на отару, а Степаныча определить на хозяйство.

– Он же старик, еле держится, у него все ноги в кровоподтеках, вдруг не уследит за баранами, – аргументировал он, – а у меня опыт есть.

– Этот старик еще нас переживет, – ответил Казбек, а потом подумал немного и согласился. – Ну и хрен с тобой, паси отару, если хочешь, только за каждого барана головой отвечаешь! Твои документы в полиции лежат, не забывай про это.

Теперь Степаныч занимался хозяйством, топил печь и помогал с лошадьми, а в отсутствие Казбека готовил и распределял еду.

Димон тянулся к Степанычу, любил сидеть рядом с его кроватью на корточках и курить. При этом они даже не разговаривали, только попыхивали папиросами, но Даулет не раз замечал, как осветлялись при этом их лица. Кукольный, словно невидящий взгляд Димона в такие минуты переставал блуждать, будто находил точку опоры.

Во всех чертах Димона проглядывала некая незавершенность и дисгармония: детское лицо с огромными беличьими глазами не вязалось с коренастым, коротким телом и большими кистями рук. Димон любил рассказывать про своего отца. Как его посадили в очередной раз, непонятно за что. Про его письма, в которых он наказывал сыну быть настоящим мужчиной, не предавать друзей и придерживаться кодекса чести. Но Димон никогда не говорил о том, как они с матерью напрасно ждали его из тюрьмы. Как отец остался жить в Шымкенте, где отбывал свой срок, и с тех пор не подавал никаких вестей.

Немного поразмыслив, Даулет решил идти обратно на ферму. Появление в селе ничего хорошего не сулило. Даже если попытаться бежать, без документов билет ему не купить, да и денег не было. Первый месяц он ещё продумывал варианты побега, но со временем втянулся в жизнь фермы.

Даулет развел костер, кинул в рот кусочек курта и вскипятил воду. Попил кипятка, согрелся и погнал отару обратно. По дороге заново повторил все партии Фишера – Спасского до двадцать первой и к вечеру был на ферме.

XXII

Казбек приехал за неделю до Нового года, привез продукты и бензин для чабанки. Приехал не один, а с трактористом, который вычищал ему путь. Они провели на ферме всего день, и за это время Казбек успел пересчитать весь скот, проверить состояние загонов. На утро перед отъездом он зарезал трех больших баранов. Мясо загрузил в багажник своего джипа. Обитателям фермы оставил на пропитание требуху, головы и ножи.

– Это вам угощение на Новый год, – сказал он Степанычу. – Там еще бензин для чабанки есть, – на прощание указал он на загон для лошадей.

Тракториста Казбек увез на своем джипе, а трактор оставил на ферме. Трактор достался ему за долги. Казбек выдавал деньги под проценты, и люди приезжали к нему за кредитом со всего района. Проценты Казбека были выгоднее банковских, а график выплат – гибче...

Тридцать первого декабря Даулет пригнал отару засветло. Помог Степанычу приготовить куырдак. Перед тем как сесть за праздничный стол, все четверо по очереди вымылись и переоделись в чистую одежду.

– Как-то скучно без бухла, – сказал Димон.

– Да уж... – подтвердил Нуржан.

– Где ты сейчас бухло найдешь посреди степи? – усмехнулся Даулет.

– Можно на соседней ферме самогону купить, – предложил Димон.

– До соседней фермы километров пятьдесят, по сутробам, – сказал Степаныч.

– А у нас трактор есть и солярка, – загадочно улыбнулся Димон, – я соляру еще летом припас на всякий случай, – сказал он и вышел из барака.

Вскоре вернулся с канистрой солярки.

– А деньги где возьмем? – спросил Димон, и все посмотрели на Даулета.

– Базару нет, – улыбнулся Даулет, встал, порылся в рюкзаке и вернулся с деньгами.

Они втроем уселись в кабинку и отправились в путь. Время от времени оставались и сменяли друг друга за рулем. Лучше всего управлял трактором Нуржан, у него был опыт работы на бульдозере. Даулет с Димоном не всегда могли удержать руль, вихлялись и проваливались в сугробы. Они громко пели и веселились, как дети, пока не добрались до магазинчика на соседней ферме. На двери магазина висел огромный замок. Они постучались в единственный домик со светящимся окном. Попали на праздничное застолье семьи фермера.

– Проходите, проходите! – пригласил их за стол хозяин дома Тлек и налил по стопочке водки.

– Какими судьбами? Кем будете? – спросил он, после того как гости выпили и закусили.

– Мы с соседней фермы... – начал рассказывать Даулет, но Димон толкнул его в бок, а Нуржан посмотрел на него так многозначительно, что Даулет оборвал свою речь.

Димон ловко перебил его:

– Мы хотели самогонки купить, а магазин закрыт.

– Моя жена – продавщица, сейчас вам отпустит, – сказал Тлек и посмотрел на женщину, которая разливала чай.

Они дружно встали, Даулет поблагодарил Тлека за гостеприимство. Тлек хотел что-то спросить, но, видимо, передумал.

– Приезжайте, всегда рады, – сказал он и попрощался.

Мужчины вышли из дома и прошли вместе с продавщицей к магазину.

Вскоре они, довольные, с тремя большими и одной маленькой бутылкой самогонки, отправились в обратный путь. Теперь мужчины не сменялись, Нуржан вел трактор всю дорогу – хотелось поскорее добраться до дома. Даулет поймал себя на мысли, что барак стал и для него родным домом.

– Человек ко всему привыкает, – сказал он вслух.

– Это ты к чему? – спросил Нуржан, но не получил ответа.

Маленькую бутылку Нуржан сразу зарыл в сугроб возле барака.

– Это на утренний похмель, – сказал он.

Они не спеша распили первую бутылку, закусывая и беседуя. После второй никто друг друга уже не слушал и не слышал. Димон порывался танцевать, Нуржан бесконечно обвинял во всех грехах и материл Казбека, а Степаныч тихо, под нос бубнил какую-то песню. Когда Даулет пошел спать, Дима вскрывал третью бутылку.

Даулет проснулся среди ночи от громкого храпа. В комнате было светло от яркого снега за окном. Нуржан с Димоном спали на своих кроватях. Нуржан лежал на спине и громко храпел. Даулет тронул его за плечо, тот повернулся на бок и замолчал. Степаныч лежал, скрючившись на полу возле печи, – видимо, уснул за столом. Даулет приподнял его за плечи, чтобы отвести и уложить на кровать, но Степаныч громко заворчал и оттолкнул его. Даулет положил ему под голову подушку и укрыв одеялом.

Свежевыпавший снег искрился под ногами. У Даулета возникло ощущение, словно он упустил что-то. Пропустил первый снег нового года. Какая глупость! Он приоткрыл и проверил загон с баранами, потом загон с лошадьми. Животные

мирно спали. Потом только посмотрел на часы. Половина пятого. Он вернулся в барак, подбросил в печку угля и снова лег спать.

Проснулся от громкой брани. Когда открыл глаза, увидел, как в комнату влетел Димон и пнул Степаныча в бок.

– Ты что делаешь? – крикнул Даулет, вскочив с кровати.

Потом в комнату ввалился Нуржан и тоже с размаху пнул Степаныча прямо в живот. Степаныч ахнул и согнулся. Теперь они вместе с остервенением избивали Степаныча.

– Мужики, стойте! – крикнул Даулет, но те не слушали.

Даулет подбежал и схватил Нуржана за руку, оттягивая от Степаныча.

– Не мешай, по-хорошему прошу, не мешай, – зло процедил Нуржан, – он крыса!

– Что случилось? За что? – громко спросил-прокричал Даулет.

– Он чекушку нашу выпил, крыса! – ответил Димон, продолжая пинать Степаныча.

– Чекушку на похмел, сука! – процедил со злостью Нуржан.

– Это я ее выпил, – сказал Даулет, чтобы отвлечь их.

Они остановились на мгновение и уставились на него.

– Врешь! – рявкнул потом Нуржан. – Вон бутылка!

И он указал Даулету на бутылку, которая валялась возле Степаныча.

– Так он не знал, что это на похмел. Его там не было, когда ты ее прятал, – сказал Даулет.

Димон с Нуржаном перестали бить Степаныча, посмотрели друг на друга и вышли на улицу. Даулет помог Степанычу встать, отвел его к кровати и уложил. Старик не издал ни звука, шел, согнувшись и опустив глаза. Даулет принес таз с водой, промыл ему раны на руках и лице. Потом положил себе в мешок еды, оделся и вышел на улицу. Увидел курящих у загона с лошадьми Димона с Нуржаном. Не сказав им ни слова, он выгнал отару и повел ее на выпас в сторону сопок.

XXIII

На следующее утро Даулет проснулся от хрипа, соскочил и увидел, как Степаныч вытянулся, раскрыл рот и замолчал. Впервые его лицо показалось Даулету расслабленным – старику больше не нужно было прятать от людей взгляд. Он сначала прикрыл Степаныч рот, а потом глаза.

– Вот и отмучился... – сказал он вслух так, что проснулись остальные обитатели барака.

– Что? – спросил спросонья Димон.

– Степаныч умер, – сказал Даулет и, накинув куртку, вышел на улицу.

Он прошел в загон к лошадям и расплакался. Вспомнил, как умер дед. Тоже рано утром. Даулет, словно почувствовал тогда, проснулся на рассвете, подошел к деду и взял за руку. Тот посмотрел на него с благодарностью, благословил. А в следующее мгновение шумно, с хрипом вздохнул и замер с открытым ртом.

Даулет плакал, прижавшись к морде пегой кобылы, а она, словно разделяя горе человека, терлась о его мокрые щеки.

В то утро Даулета потянуло к незнакомому мазару, возле которого он оказался случайно неделю назад. Как назло, повалил снег, и вскоре степь накрыл густой туман. Отара продвигалась очень медленно, животные часто проваливались в

сугробы и громко блеяли. К полудню Даулет выдохся. Отара, словно протестуя, топталась на месте. Он взял палку и пошел исследовать местность. Скоро нашупал тропу, ведущую на запад, в сторону фермы.

– Нет, на ферму возвращаться рано! – крикнул он, обращаясь к козлу-вожаку. Тот отвернулся от Даулета и демонстративно улегся прямо в снег.

– Делайте что хотите! – сказал Даулет и пошел по сугробу своей дорогой, не оборачиваясь назад.

Степаныч умер. Аскар, лучший друг, предал, продал в рабство. Даулет оглянулся. Бараны лежали на том же месте, их уже слегка припорошило снегом. Он обреченно двинулся обратно. Пока шёл, в голове сама по себе сложилась двадцать первая партия.

– Все так просто?! – крикнул Даулет, приближаясь к отаре.

Несколько животных повернули на секунду головы в его сторону и тут же равнодушно отвернулись.

Степь не жестока и не добра, она живет по своим законам, и бараны знают это лучше него. Точно так же, как Аскар живет по своим правилам, и Даулет тут ни при чем, на его месте мог быть кто угодно. У всех свои принципы, даже у Димона есть свой кодекс чести. Даулет громко рассмеялся над банальностью решения. Козел повернулся к нему и бросил высокомерный взгляд.

– Да, ты прав, Гораций! *Revenons à nos moutons!* – сказал Даулет и ткнул вожака палкой, направляя к тропинке на запад.

Козел неторопливо встал и бодро пошел в сторону фермы. Отара послушно двинулась вслед за ним.

Правильно сделал Аскар, что устроил ему эту головомойку. Только такого отношения он и заслуживал – жалкий, опустившийся мудака!

– Хотя ты все равно сволочь, Гораций!

Даулет больно ткнул вожака в бок палкой. Козел остановился, резко повернулся к Даулету, словно примеряясь, чтобы боднуть.

– Но я тебя прощаю! – театрально выкрикнул Даулет и поспешил в хвост отары.

За несколько километров до фермы козел громко заблеял и остановился, а за ним и вся отара. Добравшись до вожака, Даулет обнаружил его лежащим на снегу с окровавленной передней ногой. Видимо, попал в каменную расщелину, спрятанную под снегом, кожу разодрало до кости. Даулет подтолкнул его, козел встал на три ноги и, прихрамывая, медленно продолжил движение, отара зашевелилась вслед за ним.

Козёл двигался все медленнее и все больше прихрамывал, пока вовсе не свалился на бок, уже недалеко от фермы. Даулет снял пуховик, расстелил на снегу и за ноги подтянул на него козла. Связал рукава вокруг тушки животного и, взявшись за капюшон, потащил его на куртке к загону. Только начал открывать дверь, как сзади на него кто-то налетел, свалил лицом в снег. Потом больно скрутили ему руки и защелкнули на них наручники.

– Алтаев Даулет?

Даулет поднял голову и увидел над собой полицейского.

– Да, это я. За что? – спросил он.

– За убийство, – ответил капитан. – Увести его в машину! – приказал он кому-то.

– Встать! – скомандовали сзади, потянув его за руки.

Даулет с трудом встал на колени и обернулся. Сзади стоял другой полицейский, он потянул его за локоть, помог встать на ноги.

– Моя куртка! – крикнул Даулет.

За время пребывания на ферме он научился ценить свои вещи. Канадский пуховик не раз спасал его в степи от холода и сырости.

– Что с козлом? Твою мать! – выругался внезапно появившийся у загона Казбек.

– В расщелину нога попала под снегом, поранился, – ответил Даулет, – куртку мою дайте.

Казбек осмотрел рану козла, выругался и развязал рукава куртки. Потом вытянул из-под животного пуховик. Молодой полицейский забрал у него куртку и повел Даулета к милицейской машине. В машине уже сидели Димон с Нуржаном, тоже в наручниках.

– Чё за фигня? – спросил у них Даулет.

– Не верят, что Степаныч сам умер, говорят мы убили, – ответил Димон.

– Ясно, – хмыкнул Даулет.

XXIV

...Казбек приехал на ферму после обеда. Нуржан с Димоном, услышав шум мотора, выбежали на улицу.

– Где остальные, твою мать? – начал ругаться Казбек, выйдя из машины.

– Даулет отару на выпас погнал, – сказал Димон.

– Зачем в такой снегопад? – возмутился Казбек и направился к загону.

Открыл дверь, заглянул и, хлопнув дверью, вернулся к бараку.

– Навоз почему не вынесли? – спросил он. – Где старик?

– Он умер, – ответил Нуржан.

– Как умер? Только этого мне не хватало!

Казбек ворвался в дом, подбежал к кровати Степаныча. Сдернул одеяло, увидев синяки на теле, выматерился.

– Это кто его так избил? – спросил он.

Нуржан с Димоном молчали.

– Бичи проклятые! Мне теперь за вас отвечать! И так на меня в полицию накапали, будто я рабов тут держу! Едут уже сюда! Знали бы, во сколько вы мне обходитесь! – кричал Казбек.

– Кто накапал? – спросил Нуржан.

– Это я у вас хотел спросить! Что вы на соседней ферме делали? К Тлеку менты ездили, баранов покупать, он и рассказал им, что трое доходят с моей фермы к нему за самогонкой приезжали. А теперь еще и старик сдох!

Димон с Нуржаном стояли с опущенными головами. Во дворе раздался шум мотора.

Казбек выглянул в окно:

– Менты приехали, твою мать!

Он поспешил к выходу. Нуржан с Димоном сели, как по команде, на лавку.

Вскоре в барак вошли двое полицейских, а вслед за ними Казбек.

– Где труп? – спросил полицейский с капитанскими погонами.

– Вон там, – сказал Казбек, указывая на кровать Степаныча.

– Тукунов, иди осмотри, – приказал капитан лейтенанту, молодому коренастому парню.

Тот скинул с себя бушлат, искал глазами, где его повесить, но не найдя крючка, бросил на ближнюю кровать. Потом прошел к Степаньчу.

Капитан расстегнул куртку, сел за стол и достал папку. Вытащил из нее два листа бумаги и положил их перед Нуржаном и Димоном.

– Пишите, – сказал он.

– Что писать? – дерзко спросил Димон.

Капитан посмотрел на него внимательно и ответил:

– Как старика убивали.

– Мы его не убивали, – ответил Димон.

– А кто его тогда убил?

– Он сам умер, сегодня утром.

В это время к столу вернулся лейтенант.

– Ну что там? – спросил его капитан.

– Синяки и ссадины свежие, избивали его не по-детски.

– А вы говорите, сам умер, – капитан пристально посмотрел по очереди на подозреваемых. – Советую вам признаться, иначе хуже будет.

– Не, ну мы подрались вчера, но он живой был. Утром его Даулет застал уже мертвым, – начал разъяснять ситуацию Димон.

– Кто такой Даулет? – спросил капитан.

– Мой чабан, – ответил Казбек, – он сейчас баранов пасет.

– Может, он старика убил? – обратился капитан к Нуржану с Димоном.

– Нет! – выпалил Димон.

– Не знаю, – ответил Нуржан.

– А вы видели, как чабан труп обнаружил? – присоединился к допросу лейтенант.

– Мы же спали, это рано утром случилось, – ответил Нуржан.

– Так он, наверное, и придушил его, на шее у старика гематомы, – предположил лейтенант.

– Может, он убил старика и в бега ударился? Кто в такую погоду баранов пасет? – обратился к Казбеку капитан.

Казбек выпучил глаза:

– Вот и я подумал, зачем по таким сугробам отару гонять?

– Пустился в бега с баранами? – усомнился Тукенов.

– Да он странный, этот чабан, на маньяка смахивает, – сказал Казбек.

– Маньяк-чабан, охотящийся на бомжей? – усмехнулся Тукенов, но, глянув на грозное лицо капитана, замолчал.

* * *

...Димон не совсем понимал, что такое кодекс чести, но точно знал, что сдавать корешей – запахло. Поэтому, когда следователь Мухтаров предложил ему заложить Даулета взамен на свободу, он отказался. Твердо и бесповоротно. Пусть бьют, пытаются, он не сдаст Даулета. Хотя он засомневался, когда Нуржан сказал ему, что в обратном случае убийство Степаньча повесят на него.

– Ты чё, тупой? – убеждал Нуржан. – Степаньча избивали мы с тобой, Даулет его пальцем не трогал. Они могут на нас убийство повесить, а Даулета освободить. Ну меня, допустим, Казбек отмажет, я для него дармовая рабсила. А за тебя кто заступится? Твоя больная, нищая мать? Кто ее слушать будет?

- Вот и я думаю, почему нас в разные камеры посадили? – спросил Димон.
- Чтобы сговора между вами не было, – ответил за Нуржана Кумар, их сокамерник, имеющий уже не одну судимость.
- Его в одиночку посадили, потому что в убийстве подозревают, а мы в общей – как свидетели, – сказал с видом знатока Нуржан.
- Зачем ему убийство шьют, если он не при делах? – спросил Димон.
- По ходу, у него заморочки с ментами, – предположил Нуржан.
- А я слышал, что его крепко подставили, – сказал Кумар и, сощурился, внимательно посмотрел на Нуржана.
- Он же нормальный мужик, хоть и с прибабасом. Кто его мог подставить? – удивился Димон.
- Нормальный, не нормальный, мы ничего тут не решаем, надо о своей шкуре подумать, – нервно парировал Нуржан.
- Стремно как-то кореша своего сдавать, – принял окончательное решение Димон, – не буду я на него писать.
- От тебя и твоих показаний мало что зависит, так что лучше не марайся, – поддержал его Кумар.

Димон засиял от его слов.

Парень с первого дня обратил внимание на Кумара. Вытянутое бледное лицо и пытливые глаза, как у отца на фотографии. Димону нравилась его манера сидеть на корточках и, щурился, выпускать дым из папиросы. Разговаривал он тоже как отец, медленно, мягко и уверенно растягивая слова. Сидя рядом с Кумаром, Димон ощущал себя как никогда защищенным и нужным.

XXV

Вот уже несколько месяцев Олжас не мог дозвониться Даулету. Осенью отправил ему заказное письмо, пригласил на свадьбу внука. Даулет письмо принял, лично расписался, но на свадьбу не приехал.

С тех пор как Олжаса перевели по службе в северную столицу, Даулет отдалился от его семьи. Первое время часто звонил, поздравлял с праздниками. Последние несколько лет Даулет выходил на связь все реже.

Первой начала переживать Рабига.

– Даулетжан перестал звонить, на свадьбу не приехал. На него это не похоже. Не случилась ли с ним беда? – сказала она.

Олжас начал звонить по всем имеющимся у него телефонам. На работе сказали, что он уволился два года назад. Мобильный отключен, на звонки по домашнему номеру никто не отвечал.

Вдобавок ко всему Олжасу приснился старик Жакен. Как будто сидит он в камере и ждет смертного приговора. Утром обеспокоенный Олжас пересказал сон жене.

– Жаке наказал нас за внуком присмотреть, а мы его из виду упустили, – всплеснула руками Рабига.

– Так ведь мужику уже за тридцать, не ребенок уже, – оправдывался Олжас.

– Не ребенок, конечно, но близкий нам человек, и кроме нас у него никого нет. Надо его найти, чувствую, беда с ним случилась, – сказала озабоченно Рабига.

Придя на работу, Олжас первым делом вызвал к себе помощника и дал ему задание в короткие сроки разыскать Даулета. В течение дня он никак не мог настроиться на работу – не давал покоя сон про старика Жакена.

Тукенов первым увидел ориентировку на Алтаева Даулета и не стал показывать ее начальнику, сам доложил по указанному телефону.

Лейтенант работал под началом Мухтарова второй месяц, и начальник не всегда посвящал его в свои планы. Но накануне Тукенов случайно услышал его телефонный разговор с каким-то Маке. Вечером лейтенант вернулся на работу, чтобы дописать отчет, и с удивлением обнаружил там своего начальника. Мухтаров был порядком пьян и даже не заметил, как лейтенант заглянул к нему в кабинет.

Капитан громко разговаривал по телефону и жаловался своему собеседнику на плохую слышимость, потом поставил телефон на громкую связь и прикрыл дверь. Тукенов все прекрасно слышал.

– Вешайте всё на Алтаева, – раздался голос из телефона.

– Ясно, Маке. Что с бичами делать?

– Пусть на Алтаева всё валят. Освободи их и доставь обратно на ферму, работать некому. Казбек с трактористом зашиваются. Там, между прочим, и твоя скотина содержится.

– Я не спорю, Маке, как скажете, – согласился капитан. – Что насчет Казбека?

– Позже поговорим! – грубо оборвал его Маке.

Лейтенант видел, как сжал от злости кулаки Мухтаров. Тукенов знал о том, что капитан имеет виды на ферму Казбека.

* * *

Даулет лежал на нарах, согнувшись. Каждое движение отдавалось болью в голове. В последний раз Мухтаров допрашивал его один, сильно пьяный.

– Пиши, сука, признание! Твоя вина уже доказана, свидетели подтвердили, – начал он.

– Зачем тебе признание, если вина доказана? – спросил с издевкой Даулет.

Капитан допрашивал Даулета, не сняв с него наручников. В какой-то момент обошел его, встал сбоку и неожиданно ударил кулаком прямо в печень. Даулет свалился на пол и только попытался встать, как Мухтаров пнул его в живот. Потом по голове. Даулет вспомнил, как Степаныч закрывал обеими руками голову, когда Димон с Нуржаном избивали его. Надо беречь голову.

Об этом говорил и Аскар, когда рассказывал, как его пытали в СИЗО, выбивали показания. Как били бутылкой по почкам, так что он потом писал кровью. Но самое страшное, по его воспоминаниям, полиэтиленовый мешок, который надевали на голову, а потом постепенно скручивали вокруг шеи. Как он терял сознание и сам не помнил, как оказывался на полу. Как потом пинали по голове. Аскар говорил, что с тех пор всегда прикрывает руками голову, как только оказывается на полу. Надо беречь голову!

Даулет услышал затихшие возле камеры шаги, почувствовал взгляд, направленный на него, с трудом повернул голову к двери и приподнялся, чтобы встать.

Снаружи загремели ключами, щелкнул замок, и дверь со скрипом открылась.

– Это Мухтаров вас так избил?

Даулет узнал голос лейтенанта и удивился его вежливому тону.

– Лежите, лежите, я врача к вам вызвал, сейчас осмотрит, – заботливо продолжил он.

Даулету все же удалось сесть на кровати.

– Это вы так с Мухтаровым в добро-злого полицейского играете? – скривил он от боли рот.

– Нет, вы неправильно поняли, – Туkenов подошел к нему вплотную и посмотрел в глаза. – Вам привет от дяди Олжаса.

– Димон с Нуржаном действительно на меня показания дали? – спросил Даулет.

– Они же, как бараны, что им скажут, то они и делают, – ответил Туkenов.

– Для вас все бараны! – раздосадовано отвернулся от лейтенанта Даулет.

Еще один месяц в СИЗО пролетел быстро. Даулет пытался отыскать следы своих страхов на потолке камеры. Но ничего не находил. Притупилась душевная боль, словно сомнения и страхи исчезли вместе с зажившими на теле ранами. Когда он впервые за долгое время посмотрелся в зеркало, то не узнал себя. На висках проглядывает седина, а глаза пронизывают, как рентген. Он отпрянул от зеркала, поразившись сходству с дедом. Этот февраль он провел за книгами по коневодству.

XXVI

Аскар ехал домой на выходные. Родители устраивали в честь него той, пригласили родственников и односельчан.

– Ты теперь депутат – наша гордость, это надо обязательно отпраздновать, – настояла мама.

Утром перед отъездом заболела жена, пришлось вызвать скорую. Ее обследовали и положили на сохранение. Аскар хотел позвонить родителям, отменить праздник, но решил не расстраивать их. Они не любили его вторую жену, да и Назик не очень их жаловала.

Сначала Аскар выехал на трассу, но через пару километров съехал на проселочную дорогу, чтобы срезать путь и проехать по родным местам. Снег почти растаял, земля подсохла, и только подножья холмов блестели маленькими снежными островками. За холмами спрятался оазис, ущелье с родниковой водой и березовой рощей. В старших классах они с Даулетом проводили там почти все лето. Приезжали на мотоциклах, делали запруды и купались в ледяной воде. Возили туда девчонок, устраивали костры и вечеринки. Аскар проехал вдоль ближнего холма и, к своему удивлению, обнаружил следы протекторов нескольких машин. Обычно сюда никто не приезжал в такое время. Поднявшись на второй холм, увидел внизу несколько легковушек и бульдозер. Он проехал вниз к ущелью и остановился возле машин. Не спеша вышел из джипа и подошел к группе мужчин.

– Здорово, мужики! – сказал он.

– Здравствуйте! Вы дизайнер? – спросил мужчина в белой строительной каске.

– Нет, я – депутат, – ответил важно Аскар. – А что здесь происходит?

– Базу отдыха строим, – ответил мужчина, – с документами все в порядке, – добавил он.

– Вы из какого ведомства? – спросил Аскар.

– Это частная собственность, землю выкупили под строительство санатория, – разъяснил пожилой мужчина.

– Понятно, проверим, – ответил Аскар и прошел к ручью.

На том месте, где в детстве жгли костер, теперь был вырыт котлован.

Он вернулся к машине, сел и завел мотор. Выехал обратно на проселочную дорогу, опустил стекло, чтобы покурить. Недалеко услышал знакомый звук мотора, который он никогда и ни с чем не перепутает. Так звучал мотоцикл Даулета – «Минск». Он посмотрел в зеркало заднего вида и увидел там мотоциклиста. Аскар спонтанно дал по газам, проехал несколько километров, остановился и прислушался. Ни звука. Неужели ему показалось? Аскар вышел из машины, выкурил одну за другой две сигареты.

Что за мистика? После телефонного разговора с Маке в начале года Аскар ничего о Даулете не слышал. Маке тогда позвонил среди ночи. Аскар спросонья не обратил внимания на номер телефона, иначе бы не ответил.

– Салам, депутат! – раздался ехидный голос Маке.

– Маке? – удивился Аскар и тут же проснулся.

– Не ожидал от тебя такой подставы, депутат! – сказал возмущенно Маке.

– Ты про что?

– Про одноклассника твоего Алтаева Даулета. Он старика прикончил на ферме.

– Не может такого быть! – удивился сначала Аскар, а потом перешел в оборону: – А я тут при чем? Прикончил и прикончил. Он, между прочим, на ферме бесплатно работает, и я вам ничего не должен.

– Не думал, что такую подлянку подкинешь! – сказал Маке и оборвал связь.

После того разговора Аскар долго не мог уснуть. Что за игру затеял Маке? Хитрый лис, наверняка хочет подставить Даулета и проверяет его реакцию. Не мог Даука никого убить. Значит, Маке хочет Даулета подставить, чтобы за него взяться. Аскар не мог позволить себе вновь попасть в ловушку Маке. «Пусть Даулет сам выкручивается!» – решил он тогда, повернулся на другой бок и тут же уснул.

Сейчас Аскар ясно услышал звук мотоцикла друга детства и сразу дал по газам. Почему? Чувство вины после того доноса? Нет, донос его не беспокоил, его беспокоила та ложь, которую он нес о пытках, которые якобы перенес. Не было никаких пыток, он сразу согласился написать на Даулета. Даже придумывал, как всё описать, чтобы выглядело правдоподобно. Потому что струсил. Боялся, что его убьют, как Кану, или в тюрьму посадят...

Почему-то Аскару не было стыдно и за то, что он продал Даулета за долги в рабство. Не он, так другой. К тому же Даулет сам хотел на ферму.

Значит, всё та давняя ложь так давит? Какая глупость! Аскар рассмеялся. Нашел о чем переживать, об истории двадцатилетней давности!..

Аскар опаздывал уже на час, но тои в ауле вовремя не начинаются. Так и есть: подъехав к дому, он увидел мужчин, курящих возле забора и около автомобилей. Группу женщин, сидящих во дворе на скамейке...

Мама сидела среди них. Увидела его машину и поспешила навстречу.

Расцеловала и спросила:

– Угадай, кого я сегодня видела? – она указала взглядом на соседний дом.

– О чем ты? – недоуменно спросил Аскар.

– Даулет вернулся из города! Насовсем вернулся, я ведь, как знала, присматривала за его домом! – радостно сообщила она.

– Здорово! – ответил Аскар и направился в сторону дома.

Отец тоже начал разговор с Даулета. О том, как он основал фермерское хозяйство, чтобы лошадей разводить, о его планах и замыслах. Каждый, кого он

встречал, рассказывал ему про Даулета, будто приехал он не к себе домой, и праздник устраивали не в его честь...

Хорошо, что позвонила Назик. Аскар впервые обрадовался капризу своей жены, ее требованию немедленно вернуться в город. Он сразу же подошел к родителям.

– Мама, батя, вы простите меня. Назира заболела, ее на сохранение положили. Ехать надо, – сказал он.

– Так надо было предупредить, мы бы той перенесли, сразу и рождение внука отметили бы, – сказал отец.

А Хадиша благословила его и пожелала счастливого пути:

– Жолың болсын, балам!

Аскар решил ехать обратно тем же путем, даже если услышит звук знакомого мотора. Подъезжая к ущелью, он действительно услышал звук мотоцикла, но не Даулета, а своего. Действительно, поднявшись на холм, он увидел мотоциклиста, направляющегося в его сторону. Аскар заглушил мотор и вышел из машины.

Вскоре рядом с ним остановился его собственный мотоцикл. На это указывала и частично стертая наклейка на корпусе под рулем. Грязный, весь в пятнах и местами проржавевший мотоцикл выглядел теперь настолько уродливо, что Аскар перевел взгляд на мотоциклиста.

– Ассалам алейкум, Аскар-ага! – протянул ему руку веснушчатый подросток.

– Алейкум ассалам! – ответил рукопожатием Аскар.

– Я же Ильяс, ваш племянник, вы что, не узнали меня? – улыбнулся парень.

– Мотоцикл у тебя откуда? – спросил Аскар.

– Тетя Хадиша отдала, сказала, вам уже не нужен. Или нужен? – растерялся Ильяс.

– Не нужен, зачем мне этот хлам, – успокоил его Аскар, – а что ты здесь делаешь? – спросил он.

– Я на конеферме подрабатываю, здесь недалеко. У дяди Даулета, – улыбнулся Ильяс.

Аскар поспешно сел в машину, не попрощавшись с парнем, завел мотор и поехал в сторону трассы.

Орал Арукенова – прозаик, поэт, литературовед, переводчик. Родилась в селе Акадыр Карагандинской области. Окончила Институт иностранных языков (Алматы), школу менеджмента (Гамбург). Занимала руководящие должности в международных компаниях и транснациональных корпорациях. В настоящее время – научный сотрудник Института литературы и искусства имени М. Ауэзова, обучается в докторантуре.

Произведения публиковались в альманахе «LitteraNOVA», в журналах «Эсквайр», «Тамыр», «Простор», «Нева», «Za-Za Verlag» (Германия), Brooklyn Rail (США), в сборниках современной казахстанской прозы. Проза и стихи переведены на немецкий и английский. Книга «Правила нефтянки», выпущенная издательством Meloman Publishing в 2018 году, получила награду независимого литературного конкурса «Алтын Қалам» в номинации «Литературный дебют года». Пишет на казахском и русском языках. Живет в Алматы.